

**Министерство Российской Федерации
по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям
и ликвидации последствий стихийных бедствий**

Академия гражданской защиты МЧС России

**«БЕЗОПАСНОСТЬ ОБЩЕСТВА И ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ:
ПРОБЛЕМЫ, СОБЫТИЯ, СУДЬБЫ»**

Сборник трудов секции № 19
XXX Международной научно-практической конференции
«ПРЕДОТВРАЩЕНИЕ. СПАСЕНИЕ. ПОМОЩЬ»

19 марта 2020 года

Химки 2020

УДК 009
ББК 6/8
Б 35

Научные редакторы:
Малов А. В., кандидат философских наук, доцент,
Аракелян М. А., кандидат исторических наук.

Безопасность общества и вызовы времени: проблемы, события, судьбы: сборник трудов секции № 19 XXX Международной научно-практической конференции «Предотвращение. Спасение. Помощь», 19 марта 2020 года. – ФГБВОУ ВО АГЗ МЧС России. – 2020. – 80 с.

В сборнике представлены материалы XXX Международной научно-практической конференции «Предотвращение. Спасение. Помощь» по направлению секции № 19 «Безопасность общества и вызовы времени: проблемы, события, судьбы».

Конференция подготовлена и проведена ФГБВОУ ВО «Академия гражданской защиты МЧС России» 19 марта 2020 года. Включенные в сборник материалы содержат результаты анализа общецивилизационных и общекультурных вызовов военной, национальной, информационной, духовной безопасности современной России, а также проблемы формирования оптимальной модели общекультурных и профессионально-культурных качеств специалистов МЧС России и их реализации в ходе их практического участия в ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций природного, техногенного и социального характера.

Сборник предназначен научным работникам, преподавателям вузов, аспирантам, магистрантам, студентам, а также широкому кругу читателей, занимающихся проблемами безопасности жизнедеятельности.

Материалы опубликованы в авторской редакции.

Все права сохранены. Никакая часть данного издания не может быть воспроизведена, сохранена в любой информационной системе, изменена или переведена в другой вид любыми средствами: электронными, механическими, фотокопировальными, записывающими или иными другими без разрешения издателя.

© ФГБВОУ ВО «Академия гражданской защиты МЧС России», 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Абрамова А.В., Фоменко М.В. Философское видение проблемы роста технической зависимости современной личности.....	4
Белокрылова В.А. Парадигма межкультурного диалога и феномен аксиологических границ.....	8
Воронина Н.П. Эколого-правовая парадигма арктического региона при реализации геномных технологий (исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-14034).....	16
Киндзерская М.А. Эстетическое воспитание студенческой молодежи в учебном процессе кафедры истории и философии Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова.....	21
Коновко А.В. Гибель деревенского уклада: исторический процесс или ЧС государственного масштаба?.....	25
Мазур Е.Ю., Матвеева И.П. Социально-психологические факторы комплексной защиты населения от чрезвычайных ситуаций в Арктической зоне Российской Федерации...	36
Мун Д.В., Попета В.В. Снижение рисков «человеческого фактора» через внедрение риск-культуры и риск-ориентированного мышления в организациях.....	43
Старостенков Н.В. Социологическая пропаганда и ее влияние на информационную безопасность общества.....	52
Фомов С.В. Состояние науки как фактор общественной безопасности.....	60
Харитонов Т.Г., Ставская К.С. Влияние толерантности на психологическую готовность к оказанию помощи пострадавшим в экстремальной ситуации.....	67
Черных И.И., Аракелян М.А. Современные угрозы и вызовы для Российской Федерации	74

**ФИЛОСОФСКОЕ ВИДЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ
РОСТА ТЕХНИЧЕСКОЙ ЗАВИСИМОСТИ СОВРЕМЕННОЙ ЛИЧНОСТИ**

Абрамова А. В.

кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры истории и философии
ФГБОУ ВО «Российский экономический
университет им. Г.В. Плеханова»
Тел.: +7(910) 557-22-32
E-mail: anastya7@yandex.ru

Фоменко М. В.

кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры истории и философии
ФГБОУ ВО «Российский экономический
университет им. Г.В. Плеханова»
Тел.: +7(910) 380-28-83
E-mail: maryfom@mail.ru

Аннотация. В статье затрагивается проблема отношения человека к достижениям современной науки, появлению новых технических устройств, приводящих к зависимости «творца» от продукта своего творения. В связи с этим возникают тревожные сигналы, связанные с ухудшением здоровья людей как физического, так и психического, что неизбежно ведет к нарушению духовного баланса в обществе. Философия, ориентированная на формирование мировоззренческих позиций и установок личности, призвана осмыслить процессы в системе «человек-техника» и выработать здоровое и разумное отношение к новейшим достижениям.

Ключевые слова: наука; техника; человек; зависимость; философия науки; философия техники; техносфера; духовная сфера.

**PHILOSOPHICAL VIEW OF THE TECHNICAL DEPENDENCE'S PROBLEM
OF THE MODERN PERSONALITY**

Anasnasiya ABRAMOVA

Ph.D (Philosophy Sc.), Associate professor,
Assistant Professor
of the department of History and Philosophy
Plekhanov Russian University of Economics
Phone: +7(910) 557-22-32
E-mail: anastya7@yandex.ru

Marina FOMENKO

Ph.D (Philosophy Sc.), Associate professor,
Assistant Professor
of the department of History and Philosophy
Plekhanov Russian University of Economics
Phone: +7(910) 380-28-83
E-mail: maryfom@mail.ru

Abstract. The article addresses the problem of the person's attitude to the achievements of modern science, the emergence of new technical devices that lead to the dependence of the «creator» on the product of his creation. In this regard there are alarming signals associated with a deterioration in the health of people, both physical and mental, which inevitably leads to a violation of the spiritual balance in society. The philosophy, focused on the formation of worldview positions and attitudes of the personality, is designed to comprehend the processes of relationship in the «man-technology» system and to develop a healthy and reasonable attitude to the latest achievements.

Keywords: science; technology; man; dependence; philosophy of science; philosophy of technology; technosphere; spiritual sphere.

Стремительный рост и развитие мощных технологий, повсеместное внедрение техники, технических достижений, влияние науки на все сферы жизни общества и на функционирование отдельного индивида, стало характерной чертой современной эпохи.

Сегодня трудно найти человека, который бы оказался в стороне от воздействия технических мероприятий, использования научных достижений в повседневной жизни, в быту, на производстве, досуге. В связи с этим актуализируется роль философского осмысления технической и технологической зависимости человека от его достижений, рассматривающихся в рамках таких направлений, как философия науки и философия техники.

Философия техники, как и философия науки, является одним из важных разделов философского знания. Технологизация на современном этапе окутала все сферы человеческой жизни, что придает этому вопросу особую актуальность. Можно утверждать, что влияние технических достижений является всеохватывающим. Такой колоссально высокий уровень достижений современной цивилизации случился в связи с научно-техническим прогрессом, являющимся следствием развития научного знания [1, с. 94-96]. Такого рода технологические прорывы связаны, прежде всего, с запросами современного общества. Они являются своего рода средством облегчения социальной жизни человека, предоставляя ему более комфортные условия для жизни. Так, существует мнение, которое в свое время высказал один из учеников великого философа-антрополога М. Шелера, что все продукты цивилизации (техника, информатизация и др.) необходимы человеку для социальной адаптации и выживания, потому что он не способен, как животные, существовать в условиях дикой природы – т.е. на этом уровне наука рассматривается как одна из движущих сил эволюции, естественный отбор, связанный с борьбой за существование, – выживет более приспособленный к условиям окружающей среды [4, с. 87]. Тем не менее бурное развитие науки влечет за собой ряд иных проблем, которые являются как местечковыми, так и носят глобальный характер, которые необходимо решать, потому что их последствия могут быть катастрофическими и привести к нарушению природного биобаланса. Прежде всего, это связано с такими последствиями научно-технического прогресса как истощение природных ресурсов, ухудшение экологии, потепление климата, появление озоновых дыр и др., что, в конце концов, может привести к более глобальной проблеме, связанной с выживанием человечества [3, с. 61]. Высокие темпы проникновения научно-технических достижений, информационных технологий в различные сферы человеческой жизнедеятельности определяют характер и содержание множества современных философских проблем, которые требуют исследования на высоком теоретическом уровне с учетом современных достижений в области техники.

В этой связи техносфера заставила по-новому осмыслить все то, что происходит с человеком на протяжении того или иного жизненного периода. Социальный комфорт и жизненное удобство стали основой для формирования гедонистического мировоззрения, причем не в самом его лучшем проявлении. Это самые примитивные вульгарные радости от вкусной пищи, интима, алкоголя, общения с друзьями, различных хобби и т. д. Если говорить о каких-то комплементарных формах, то они могут складываться в формирование даже знаний, умений и навыков, развития качеств характера, где даже сам процесс познания и результат приносят удовольствие [6, с. 107]. Гедонист, к примеру, никогда не будет чему-то учиться, например, вождению автомобиля, если это связано со страхом и ненужным ему лишним напряжением, какие бы перспективы за этим не открывались впоследствии. Дело в том, что

он получает наслаждение от самого процесса, несмотря на последствия – в этом состоит суть его мотивации.

Примеров и проявлений можно привести огромное количество, но суть заключается в том, что каждая личность получает удовольствие в зависимости от собственного уровня развития и сложной системы ценностей. В этом смысле одинаковыми проявлениями гедонизма можно считать и алкогольную зависимость, когда на спиртное тратятся последние деньги, и книголюбие (если, к примеру, на последние копейки покупаются книги по какой-нибудь восточной философии). Более высоким достижением гедонизма считается тот момент, когда наслаждение может вообще не иметь отношения к материальному миру, а человек может радоваться восходу солнца, природе, путешествиям и т. д.

В этой связи легкодоступность удовольствий и наслаждений повлекла за собой установление нового образа жизни, который стал блокировать моральное сознание – поменялась система ценностей – абсолютные ценности были смещены релятивистскими, утилитарными... Вследствие этого появился ряд новых видов зависимостей (например, зависимость от азартных игр (гемблинг), неконтролируемого пребывания в сети Интернет, от секса, бесконечных тренировок в фитнес-клубе, от чрезмерного посещения солярия (что ведет к «синдрому болезненной страсти к загару» – танорексии), неумеренности в еде (к пищевой зависимости), неумной страсти к покупкам (шопполизм), и многие другие), что заставляет человечество задуматься о перспективах своего дальнейшего существования, о наметившейся подмене истинных духовных ценностей сомнительными, разрушающими, ведущими к дегуманизации.

В настоящее время самой распространенной зависимостью современного человека является техническая зависимость или гаджет-зависимость. Это понятие получило свое название от английского слова «gadget» – «техническая новинка». Гаджет-зависимость характеризуется зависимостью человека от обладания любыми техническими устройствами: мобильными телефонами, компьютерами, планшетами, ноутбуками, смартфонами, различными музыкальными устройствами. Без них человек не представляет своего существования и при их отсутствии испытывает дискомфорт, пустоту, тревогу [5, с. 56]. Гаджет-зависимость считается сформированной, если человек имеет пять и более подобных приборов и он постоянно следит и приобретает только новейшие модели для повышения своей самооценки, доказательства своей «продвинутой», «успешности». Все усилия сосредоточены на отслеживании появления «новинок», на их поиск, покупку, освоение, усовершенствование подобных средств, и, конечно же, их демонстрацию своему окружению, выкладыванию свежих фотографий со своими приобретениями в социальные сети. Однако радость от их обладания и использования длится недолго, ведь чаще всего функцией подобных вещей становится лишь возобновление удовольствия на короткое время, пока не появится новая модель, а вовсе не изменение себя и собственной жизни. Как показывает практика нашей жизни, появление новых моделей технических устройств стремительно ускоряется и происходит почти каждые полгода, а некоторые из них обновляются гораздо чаще.

Можно выделить «условно положительные» симптомы технической зависимости, которые приносят радость обладателю: хорошее самочувствие или даже эйфория при использовании какого-либо прибора; увлеченность, нежелание оторваться от устройства, возможность не ограничивать себя во времени, отведенного на занятие с ним; отсутствие попытки

удержаться от покупки новой «игрушки» или контролировать траты и т. п. Среди отрицательных симптомов выделяются те, которые погружают в ощущение пустоты и депрессии, например, при отсутствии регулярных покупок новых приспособлений; отсутствии значительных средств на покупку; возникновении чувства вины перед близкими при дистанцированности от них; пренебрежении семьей, друзьями при «уходе» в свой виртуальный мир; ухудшении здоровья (головные боли, сухость в глазах, бессонница, боль в мышцах, спине из-за переутомления, скованности, пребывания в одной позе и др.).

На рубеже XX–XXI вв. европейские ученые провели исследования по изучению поведения человека и получили не очень хорошие результаты. Как выяснилось, каждый европеец, вне зависимости от принадлежности к тому или иному европейскому государству, в возрасте от 18 до 45 лет пользуется в своей повседневной жизни пятью приборами, при этом 93 % активно используют сотовый телефон, 73 % – ноутбук, 60 % – DVD-плеер. Утверждалось, что практически 1/2 людей, живущих в Европе, констатировали, что не смогут прожить без собственного смартфона, а 42 % – без ноутбука. При этом примерно 10 % респондентов признались, что ощущают у себя определенные признаки какой-либо психологической зависимости [7, с. 157]. Из приведенных статистических данных видно, что техническая зависимость становится явной проблемой современности, приобретает все большую значимость и выступает актуальной областью исследований многих сфер, в том числе и философии, которая стремится универсально изучить воздействия достижений науки, технического прогресса на общество, культуру, индивида. Неотъемлемой частью философского знания, на основе мировоззренческого подхода, становится рассмотрение всего комплекса проблем, которые обозначает перед цивилизацией стремительное развитие науки и техники.

Многие выдающиеся ученые уже в XX в. в своих работах неоднократно высказывали тревожные идеи относительно стремительного роста науки, технократизации общества, воздействия научно-технического прогресса на культуру, духовную основу новых поколений. Приведем высказывания одного из ведущих русских религиозных философов этого периода Н.А. Бердяева. Размышляя над феноменом техники, он склонялся к идее невозможности существования культуры без техники, из которой она возникает, и которая, в конце концов, приведет культуру к гибели. Стремление техники завладеть духом, подчинить его, превратить в механизм, приводит к появлению новой зависимости человека от своей «второй природы» – машинной зависимости. «Машинизация» жизни способствует обострению проблемы в отношении человека к природе, личности к обществу, духа к материи, иррационального к рациональному. Технизация духа, разума, человеческих оснований ведет неизбежно к их гибели. Господство техники должно быть остановлено, подчиненно человеку, духу и духовным ценностям жизни, иначе неминуема трагедия. С точки зрения Н.А. Бердяева, человеческий дух способен справиться с поставленной задачей, преодолеть ее, но только в том случае, если он будет соединен с Богом, а не будет пребывать в изоляции и опоре на собственные силы [2, с. 149].

Таким образом, опасность технической зависимости проявляется в отчуждении, в уходе человека от реальности, в отсутствии реакции на происходящие рядом события, в погруженности в виртуальный мир своего бытия. Меняется качество жизни людей, процессы социализации, постановка и достижение целей, реализация планов и желаний. Философское осмысление данной проблемы, противоречивые споры ученых относительно роли и влияния

техники на жизнь человека, приводят к указанию на положительные и отрицательные аспекты этого воздействия. Однако совершенно очевидным становится понимание того, что правильно воспользоваться плодами достижений научного и технического комплекса можно при условии обеспечения духовного прогресса, способного сохранить человеческое «я» от технократического порабощения.

Литература

1. Абрамова А.В. Концепции современного естествознания: учебное пособие / под ред. Е.О. Межуевой. – Гос. образовательное учреждение высш. проф. образования «Российская правовая акад. М-ва юстиции Российской Федерации», Тульский фил. Тула, 2010. – 207 с.
2. Бердяев Н.А. Человек и машина // Вопросы философии. – 1989. – № 2. С. 147-162.
3. Макаров Е.В., Фоменко М.В. Формирование национальной идентичности в условиях глобализации // Российская идентичность: социокультурный контекст: сб. науч. статей междунар. науч. конф., Москва, 15 ноября 2019 г. – М.: РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2019. – С. 59-63.
4. Прокофьев А.В., Абрамова А.В. Эмоциональные механизмы морального опыта // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2015. – № 1 (64). – С. 86-90.
5. Тавризян Г.М. Философы XX века о технике и «технической цивилизации». М.: РОССПЭН, 2009. – 210 с.
6. Фоменко М.В. Роль науки в формировании современных эсхатологических ожиданий // Наука. Релігія. Суспільство. – 2011. – № 4. – С. 100-107.
7. Фоменко М.В. Роль философии в системе ноосферного образования // Ноосфера і цивілізація. – 2010. – № 8-9 (11). – С. 155-161.

УДК 304.42

ПАРАДИГМА МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА И ФЕНОМЕН АКСИОЛОГИЧЕСКИХ ГРАНИЦ

Белокрылова В. А.

кандидат философских наук,
Заведующий Центром управления знаниями
и компетенциями Института философии
Национальной академии наук Беларуси
Тел.: (8)37529669-75-78
E-mail: ralfinaster@gmail.com

Аннотация. Исследуется потенциал парадигмы диалога культур в ситуации несовпадающих ценностных установок. Обосновывается, что аксиологический уровень межкультурного взаимодействия является одним из наиболее проблемных для достижения подлинного, а не номинального диалога. В качестве своего символического фундамента межкультурный диалог нуждается в общем надкультурном (надэтническом и надконфессиональном) пространстве, чья универсальность и легитимность будет признана всеми участниками.

Ключевые слова: межкультурный диалог; аксиология культуры; культурные границы; культурное разнообразие; ценностный консенсус; этика межкультурных коммуникаций; коммуниканты; коммуникативная открытость.

PARADIGM OF INTERCULTURAL DIALOGUE AND PHENOMENON OF AXIOLOGICAL BOUNDARIES

Vera BELAKRYLAVA

Ph.D (Philosophy Sc.),

Head of the Center

for Knowledge and Competency Management

of the Institute of Philosophy

of the National Academy of Sciences of Belarus

Phone: (8)37529669-75-78

E-mail: ralfinaster@gmail.com

Abstract. There is studied the potential of the paradigm of dialogue of cultures in the situation of mismatched value attitudes. It was justified that axiological level of intercultural interaction is one of the most challenging to achieve genuine rather than nominal dialogue. As its symbolic foundation, intercultural dialogue needs a common supra-cultural (supra-ethnic and supra-confessional) space, which has universality and legitimacy recognized by all participants.

Keywords: intercultural dialogue; axiology of culture; cultural boundaries; cultural diversity; value consensus; ethics of intercultural communications; the communicants; communicative openness.

Цифровая революция, проникновение интернет-коммуникаций во все сферы общественной жизни способствует интенсификации межкультурных контактов. Вместе с тем циркуляции информации о культурах в глобальном информационном пространстве – это еще не «разговор», а тем более не мировоззренческое признание этнического и культурного многообразия. Можно сказать, что инфраструктурные, технические факторы сегодня опережают формирование способностей к межкультурному диалогу, равноправию и взаимному принятию, толерантности, признанию ценности уникального культурного багажа, который может радикально отличаться от привычного.

Концепция межкультурного диалога исторически пришла на смену парадигмам ассимиляции и мультикультурализма. Однако содержательные характеристики и атрибутивные признаки диалога культур по сей день остаются детально не эксплицированными, а порой и дискуссионным. Диалог культур чаще всего позиционируется через идейное размежевание с прошлыми парадигмами межкультурного взаимодействия, которые перед лицом вызовов современного общественного развития демонстрируют свою ограниченность. «Старые подходы к регулированию вопросов, связанных с культурным многообразием, уже не подходят обществам, в которых уровень этого многообразия (а не просто присутствие) является беспрецедентным и постоянно растет (...) предпочитавшийся до недавнего времени политический подход, условно называемый «мультикультурализмом» уже признается неадекватным. С другой стороны, не наблюдается и желания вернуться к старой политике ассимиляции. Построение общества, охватывающее все слои населения, требует нового подхода и межкуль-

турный диалог – это как раз тот путь, которым следует идти» [1, с. 9]. В настоящей работе мы попытаемся эксплицировать проблемы, связанные с аксиологическим измерением межкультурного диалога.

Чтобы стать устойчиво воспроизводимой стратегией гармоничных социальных практик, парадигма межкультурного диалога, сохраняя черты преемственности с предшествующими формами, в то же время должна сделать выводы из негативного опыта прошлого. Аксиологический уровень межкультурного взаимодействия является одним из наиболее проблемных в установлении отношений подлинного, а не номинального диалогизма равноправных субъектов.

Методология реконструкции ценностного измерения межкультурного диалога требует концептуализации двух противоположных тенденций в дискурсивно-смысловом пространстве встречи культур: аксиологической идентичности («закрытости») и коммуникативной открытости. С одной стороны, «поле диалога – это среда, в которой означающее, уже наполненное множеством значений и коннотаций, утрачивает некие наличные значения и приобретает новые» [2, с. 11]. Коммуникативная открытость выступает и предпосылкой, и результатом диалога культур в диапазоне от соприкосновения вплоть до взаимной конверсии смыслов и ценностей. Однако означает ли это, что взаимная открытость культур обязательно ведет к выделению и фиксации «общего», инвариантного им обеим? «Предпосылкой создания диалогических отношений в ситуации культурного многообразия является (...) выявление общих смысловых точек и увеличение доли общих знаний, разделяемых коммуникантами, развитие способности воздержаться от оценки при обнаружении различия другого или понимания неоднозначности интерпретации своего сообщения» [2, с. 12].

Цитируемый фрагмент эксплицирует важную для межкультурного диалога проблему (не)совместимости ценностных паттернов. Взаимодействие в нейтральном смысловом поле, «использование практики спрашивания, выявления общих смысловых точек и увеличение доли общих знаний» [2, с. 12] может быть достаточно бесконфликтным. Иной случай – ценностные коллизии, относящиеся к экзистенциальному уровню бытия как личности, так и культуры в целом. По мнению Т.И. Бириной, диалогические отношения в числе прочего предполагают «способности воздержаться от оценки при обнаружении различия другого».

Сформулируем проблему следующим образом: мораторий оценочных суждений по поводу ценностно обусловленных культурных различий – достаточное либо необходимое условие межкультурного диалога? В то же время не выступает ли неприкосновенность ценностных оснований Другого препятствием к глубинному пониманию, а не просто к толерантности и взаимному уважению разнящихся позиций? Какие факторы способствуют пониманию и эмпатии, а не просто толерантности и терпимости по отношению к ценностному универсуму Другого? Очевидно, что встреча культур проливает свет не только на факт существования ценностных систем, отличных от привычной, и поэтому зачастую рефлексивного не осознаваемой, но и эксплицирует и обосновывает собственные ценностные максимы, что повышает порог критичности или, напротив, консерватизма, по отношению к ним. В этом смысле ценностный нейтралитет обеспечивает в лучшем случае сосуществование, но не диалог и взаимный обмен.

Диалог культур, также как и сама культура, имеет диалектически двойственную природу. Он обусловлен, с одной стороны, внешними, институциональными и социальными

факторами, с другой, – внутренней психологической настройкой коммуникантов, включая их индивидуальные психологические особенности, желания, ценности, эмоции, убеждения и компетенции. При этом субъективные внутренние характеристики индивидуальных коммуникантов коррелируют с объективными, надиндивидуально сформированными: например, когнитивные стили и ментальные модели восприятия окружающего мира. «Культура становится эпистемологическим «горизонтом» смысла и методологическим способом научных исследований в целом и психологических исследований – в частности» [3, с. 17].

Продуктивным шагом представляется выделение и компаративистика различных вариаций и уровней взаимодействия в диалоге культур. Итальянский исследователь, специализирующийся в области психологии культур Л. Анолли, эксплицирует несколько ценностно-поведенческих позиций в рамках межкультурного диалога. Так, позицию космополитизма отличает открытость перед культурным опытом и культурным разнообразием. «Настоящий космополит – тот, кто никогда и нигде не чувствует себя по-настоящему дома, потому что его «дом» – где-то в другом месте. Его дом – это целый мир. Осознавая собственную автономность, он умеет уловить и уважать различия [между людьми], при этом не опошляя другого человека, поскольку космополит убежден: то, что разделено, стоит оставить разделенным» [3, с. 423].

«Открытость» локальных культур, восприимчивость к внешнему и недостаток проекционизма в культурной сфере может обернуться асимметричностью культурного влияния, угрозой «этноцида» культур, сокращением культурного разнообразия. Феномен обратный формированию общего межкультурного пространства, «обобществлению» пограничных смыслов и ценностей в ходе диалога – это процесс культурного фундаментализма, монолога, самозамкнутости культуры, связанный с установлением границ на основании претендующей на общезначимость ценностной иерархии. Этически обоснованное право на защиту культурного своеобразия и уникальности оборачивается радикальным неприятием и символическим исключением чуждого.

Вместе с тем заслуживает внимания позиция, согласно которой феномен глобализации, повсеместное распространение «culture multiple» повышает сложность локальных культур, создает новые различия и тенденции объединения [3, с. 423]. В частности, рыночные стратегии потребительского рынка вынуждены ориентироваться на специфику локального спроса, это зафиксировано в неологизме «глокальный».

В ситуации глобального культурного обмена культура все больше перестает быть судьбой, становится объектом выбора и конструирования идентичности. Культурные границы, включая ценностные барьеры, в свою очередь также не являются раз и навсегда предзаданными, они воспроизводятся либо разрушаются в ходе коллективных практик. Межкультурный диалог вынуждено имеет дело с культурными границами. Последние выполняют двойственную психологическую функцию – они определяют культуру «изнутри» и отличают ее от других. Крайние точки восприятия пределов культуры – ксенофобия и ксенофилия [3, с. 423]. Первая подразумевает позицию культурного апартеида, исключаящую смешение. Во втором случае Другой (представитель референтной культуры) может стать объектом идеализации и экзальтированного почитания в ущерб собственному культурному багажу.

Культура, отмечает Л. Анолли, тянется вдоль границ и пределов с другими культурами, однако обычно речь идет об изменчивых границах и пределах, которые находятся в не-

прерывном движении. Культурный предел – это пространство встречи (или столкновения) между идентичностями. Это всегда место напряжения, поскольку он балансирует между защитой и нападением. Граница кроме размежевания означает и ситуацию обмена, в которой возрастает вероятность импорта и экспорта культурных моделей и повседневных практик как результата взаимного влияния.

В психологическом аспекте культурный предел представляет собой «связь преданности (...)». Это пакт о союзничестве и принадлежности между собственным «Я» человека и обществом, в котором он существует. Пределы остаются, даже если человек вступает в пространство другой культуры» [3, с. 426]. Позиции «преданности» противоположна позиция «конверсии», которая подразумевает вступление в пределы другой культуры и оставление собственной.

Культурная граница как водораздел и кросс-культурные коммуникации как практика наведения мостов взаимно предполагают друг друга. В качестве цели межкультурного диалога и критерия его продуктивности зачастую фигурирует «общее»: общие смыслы, ценности, правила. «Кросс-культурная коммуникация представляет собой механизм по созданию общих ценностей и формированию единого социокультурного пространства, в котором возможно полноценное существование и развитие представителей различных культур [4, с. 3]. Культура также интерпретируется автором, исходя из идеи «общего пространства», как итог исторического взаимодействия и конвергенции народностей, рас, этносов, культурно-исторических общностей, конфессий и социальных групп. Возникавшее некогда как частное партикулярное явление в рамках отдельных региональных, национальных, конфессиональных общностей в ходе культурной конвергенции становится достоянием всего человечества, полагает цитируемый выше автор. В свою очередь, отметим, что возникновение «общего пространства» в коммуникации может достигаться различными способами в диапазоне от экспансии более пассионарной ценностно-смысловой системы до генезиса в ходе диалога новых установок, не сводимых к традиционно принятым в обеих взаимодействующих культурах.

Этическая оценка межкультурных взаимодействий должна определяться, во-первых, степенью сохранения единства в многообразии, аутентичности национальных культур перед лицом глобализации, во-вторых, способами достижения взаимопонимания, ценностного консенсуса как условия продуктивного диалога на «межкультурной» территории. Ориентиром здесь служит соответствие выработанным в ходе исторической эволюции «общим» ценностным стандартам, включая неотъемлемые права и свободы человека. Вместе с этим потенциальной конфликтогенностью обладает реализация «общих» гуманистических стандартов, которые влекут утрату уникального содержания культурных практик, представляющих для их носителей локальную ценность. Итак, центральная проблема состоит в сопряжении общечеловеческих гуманистических норм и форм локального культурного своеобразия. Важное значение для гармонизации кросс-культурных процессов имеют реконструкция и взаимная рационализация этических оснований сторон диалога, а также выявление механизмов возможной реализации ценностных установок в поликультурном пространстве.

В связи с актуальной потребностью в сопоставлении различных аксиологических систем коммуницирующих культур И.С. Петрова обосновывает необходимость выделения этики кросс-культурных коммуникаций, которая «изучает нравственные проблемы, возникаю-

щие в процессе диалога культур, особенности ценностных ориентаций коммуникантов, содержание и сущность нравственных качеств (добродетелей) субъектов межкультурного взаимодействия, проблемы нравственного выбора способов, средств, правил и форм, которые, с одной стороны, помогают выстраивать взаимодействие культур, а с другой – вводят своеобразные имплицитные ограничения, обеспечивающие устойчивость взаимных обязательств» [4, с. 8].

Коммуникативный поворот в философии XX века знаменовал повышенное внимание к межкультурному диалогу, который становится объектом теоретической рефлексии в различных предметных ракурсах, наиболее распространены лингвистический, психологический и исторический подходы. Анализ межкультурных взаимодействий с этических позиций зачастую оказывается незаслуженно «растворенным» в вышеперечисленных предметных срезах. Однако ценностные универсалии культур и субкультур заслуживают самого пристального внимания. Представления о добре и зле, о сущем и должном, о достойном и постыдном, справедливом и предосудительном и т. п., имплицитно функционирующие внутри культурного сообщества, составляют базис поведенческих, ментальных, лингвистических экспликаций культурной идентичности. Ценностное измерение культуры скорее субстанционально, чем феноменально и в связи с этим требует особых методов изучения.

Философский уровень осмысления предполагает проблематизацию того, как возможен диалог ценностных универсалий? Быть может, они монологичны по определению? Является ли необходимым (достаточным) условием межкультурного диалога общая (в той или иной степени унифицированная) ценностная платформа коммуникантов? Тогда встает вопрос, в какой мере несовпадающие ценности культур подлежат консенсусу и частичной унификации. Либо же межкультурный диалог произведен от базовых взаимных компромиссов, при которых универсалии Другого остаются неизменны, но меняется оценивающее отношение к ним со сторон. Иначе говоря, если объединение ценностных систем в принципе невозможно, предотвращению конфронтации способствует признание легитимности этической инаковости. Но в таком случае не становится ли подобный релятивизирующий собственный ценностный базис диалог угрозой для идентичности и целостности культуры?

Пристального внимания заслуживают механизмы формирования ценностей в культуре, селекции «благодаря которому она как бы отфильтровывает общественную жизнь, практику, оставляя в качестве культурных образцов, стандартов, канонов только некоторые элементы» [5, с. 15]. Эти элементы отличает не только архетипическая укорененность, важны эффективность и целесообразность, помогающие социальной общности поддерживать свое существование при меняющихся обстоятельствах.

Внутренние ценностные установки культуры задают оптику, сквозь которую воспринимаются не только внутрикультурные процессы (требования и предписания к своим носителям), но феноменология внешнего мира с позиций данной культуры. Т.е. образ Другого с необходимостью опосредован внутренним ценностным и ментальным ландшафтом культуры, социально конструируется и феноменально проявляется в координатах определенной ценностно нагруженной картины мира. «Фактически, каждая культура склонна помещать себя в центр мира и считать себя мерилем оценки и измерения всех остальных культур» [3, с. 13]. Этноцентризм как психическая установка производна из абсолютизации привычного для личности способа «культивирования» себя и собственного окружения. Данный способ, бу-

дучи на самом деле одним из многих, зачастую представляется единственно правильным и эффективным. С другой стороны, осмысление закономерностей и динамики ценностного измерения культурной коммуникации неотделимо от понимания механизмов формирования нравственных качеств субъектов. Нравственные дилеммы личности – это одновременно и коллизии внутри системы ценностных значений данной культуры, и внутрличностные психологические конфликты.

В принятии Другого как главном условии диалога можно выделить гносеолого-семиотический, ценностно-поведенческий и институционально-идеологический аспекты. Гносеологический аспект подразумевает, в первую очередь, адекватный субъективный образ объективной реальности чужеродной культуры, дешифровку и интерпретацию ее символического континуума. Культура реализуется и транслируется через систему значений. Значения формируют среду практической деятельности и воспроизводятся ею.

Препятствующие сближению поведенческие различия представителей различных культур – суть выражения несовпадения, социальных укладов и порядков, различие ценностных основ. Распространенная ошибка интерпретации культурных различий – стремление объяснения причины определенного поведения исходя из него самого. Ключ к пониманию культуры дают нормы, ценности и коррелирующие с ними значения, которые не очевидны при внешнем контакте. Причины поведенческих различий коренятся в устойчивых привычках думать и чувствовать, реагировать, воспринимать, интерпретировать, принимать решения, взаимодействовать и строить экономический обмен с другими [6]. Глобальные вызовы поликультурного мира приводят к тому, что ценностные разночтения все чаще ставят под сомнение саму возможность диалога. «Как мы должны относиться к отличиям от других: это нормально? Это надо изучать? Это нужно изменить? Это нужно учитывать? Это нужно подавлять? Из этого необходимо извлекать выгоду?» [6].

Процесс культурного означивания не просто ценностно «заряжен», но и гуманистически сопряжен. Как квалифицировать несовпадающие по ценностным постулатам культуры с позиций «общих» (общечеловеческих) норм гуманизма? «Культура, а именно – ее система значений, может способствовать или, напротив, препятствовать реализации высших устремлений, служить своеобразным трамплином или, напротив (...). Культура своей системой значений формирует предпосылки для проявления зла, и зло становится столь же закономерным, как и все другие культурные проявления» [6, с. 12]. Под устремлениями цитируемый автор понимает «валентную энергию людей – энергию самореализации», подавление которой находит выход в противоестественных формах, таких как экспансия, агрессия, насилие. Обосновывая тезис о генетических различиях культур в возможностях конструктивной реализации «высших устремлений», автор апеллирует к идеям Р. Эммонса и К. Гирца. В контексте данного гипотетического допущения структурная организация и способ означивания культуры задает перспективы естественной либо извращенной самореализации личности в ее рамках. В свою очередь, способ самореализации определяет степень гуманности и человекомерности культуры. Чем глубже «репрессивная система значений блокирует реализацию внутренних устремлений», тем больше риск, что нереализованные потребности культурных агентов примут деструктивные формы. Сказанное провоцирует нравственную дилемму – правомерно ли купирование источника деструкции посредством вмешательства в чужую культуру?

Диалог культур в современных условиях требует взаимной осознанности как к собственной, так и к чужой культуре. Исследователю «необходимо заглянуть внутрь культуральных инструментов, деконструировать их процессы и разобрать механизмы, чтобы затем заново их собрать и объяснить» [3, с. 14]. Вместе с этим диалог культур полностью не тождественен рефлексивным средствам и рациональным инструментам культурной практики. Реализация межкультурного диалога как социальной практики открытости Другому, требует учета феномена аксиологической закрытости инокультурной среды. С одной стороны, ценностное ядро культуры в той или иной степени герметично для постороннего наблюдателя. С другой, ценностное измерение имеет для носителей культуры экзистенциально значимый характер, что порождает порой труднопреодолимые психологические и коммуникативные барьеры.

Культурная идентификация в современном глобальном мире представляет собой нелинейный феномен, выходящий за пределы этнического и конфессионального. Обосновывается предположение, что межкультурный диалог, чтобы приобрести контуры устойчиво воспроизводимой социальной практики, парадоксальным образом нуждается в качестве своего символического фундамента в общем надкультурном пространстве, чья универсальность и легитимность будет солидарно принята всеми участниками.

Литература

1. Белая книга по межкультурному диалогу. «Жить вместе в равном достоинстве»: утверждена министрами иностранных дел стран-членов Совета Европы на 118-й сессии Комитета министров, Страсбург, 7 мая 2008 года: перевод с англ. / Совет Европы. – Москва, 2011. – 73 с.
2. Бирина Т.И. Социокультурное поле диалога: ситуация возникновения: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Нижний Новгород, 2009. – 27 с.
3. Анолли Луиджи. Психология культуры / пер. с итал. Ю.С. Вовк. – Х.: Изд-во Гуманитарный Центр, 2016. – 480 с.
4. Петрова И.С. Этические основания кросскультурных коммуникаций: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – СПб., 2008. – 23 с.
5. Сивков А.В. Место и роль межкультурной коммуникации в развитии социума: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – М., 2010. – 23 с.
6. Киселева А.А. Культура: барьер или трамплин. Вступительная статья // Луиджи Анолли. Психология культуры / пер. с итал. Ю.С. Вовк. – Х.: Изд-во Гуманитарный Центр, 2016. – 480 с.

УДК: 349.6

**ЭКОЛОГО-ПРАВОВАЯ ПАРАДИГМА АРКТИЧЕСКОГО РЕГИОНА
ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ ГЕНОМНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ**
(исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта № 18-29-14034)

Воронина Н. П.

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры экологического
и природоресурсного права
ФГБОУ ВО «Московский государственный
юридический университет
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»
Тел.: 8(499) 244-88-88
E-mail: nvoroninamgua@yandex.ru

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы определения эколого-правовой парадигмы Арктического региона при осуществлении хозяйственной деятельности с применением геномных технологий. Проанализированы экологические проблемы Арктики, обозначены направления стратегического развития Арктического региона. Выявлены проблемы правового регулирования обеспечения экологической безопасности Арктики при осуществлении хозяйственной деятельности с применением геномных технологий. Сформулированы правовые подходы определения эколого-правовой парадигмы (модели правового обеспечения экологической безопасности) Арктического региона при осуществлении хозяйственной деятельности с применением геномных технологий.

Ключевые слова: Арктический регион; охрана окружающей среды; эколого-правовая парадигма; антропогенная деятельность; организация природопользования; экологическая безопасность; стратегическая экологическая оценка; геномные технологии.

**ECOLOGICAL AND LEGAL PARADIGM OF THE ARCTIC REGION
IN THE IMPLEMENTATION OF GENOMIC TECHNOLOGIES**
(The reported study was funded by RFBR
according to the research project № 18-29-14034)

Natalya VORONINA

Ph.D in law, Associate professor,
Assistant Professor of Department
of Environmental and Natural resource Law
Kutafin Moscow State Law University
(MSAL)
Phone: 8(499) 244-88-88
E-mail: nvoroninamgua@yandex.ru

Abstract. The article considers the issues of determining the environmental and legal paradigm of the Arctic region in the implementation of economic activities using genomic technologies. The environmental problems of the Arctic are analyzed, the directions of the strategic development

of the Arctic region are identified. The problems of legal regulation of ensuring the environmental safety of the Arctic during economic activities using genomic technologies are identified. Legal approaches are formulated to determine the environmental-legal paradigm (model of legal support of environmental safety) of the Arctic region when carrying out economic activities using genomic technologies

Keywords: Arctic region; environmental protection; environmental and legal paradigm; anthropogenic activity; organization of nature management; environmental safety; strategic environmental assessment; genomic technologies.

В контексте настоящей статьи под эколого-правовой парадигмой понимается модель правового обеспечения экологической безопасности Арктического региона при реализации геномных технологий.

Проблемам охраны окружающей среды Арктического региона (Арктической зоны) в последние десятилетия посвящено достаточное количество научных трудов. Это обусловлено рядом факторов: во-первых, хрупкостью арктической экосистемы, во-вторых, увеличением антропогенной нагрузки на территорию Арктики. В-третьих, национальными интересами РФ.

«Арктический регион – уникальная экологическая система, природное достояние народов России, индикатор климатических процессов, наиболее заметным образом испытывающая негативные последствия глобальных изменений, где динамика природных процессов замедлена, поглотительная способность природных объектов снижена, вследствие чего Арктика является особо уязвимой системой» [2, с. 178].

Негативные экологические изменения, происходящие в Арктике, оказывают воздействие на состояние экологической безопасности в трансграничном аспекте. ЮНЕП (Программа ООН по окружающей среде) выделяет несколько глобальных экологических проблем Арктического региона: изменение климата и таяние ледников; загрязнение воды нефтью и химическими веществами; сокращение популяции северных животных и изменение среды их обитания [9, с. 28].

Изменение климата – основная экологическая проблема Арктики, оказывающая негативное воздействие на исчезновение среды обитания арктических животных, увеличение активности вредителей и паразитов, усиление миграции рыбы из южных морей в северные моря [3, с. 468]. При этом Арктический регион характеризуется высоким ресурсным потенциалом, что в условиях глобального потепления обуславливает увеличение добычи природных ресурсов и, как следствие, антропогенной нагрузки, включая количество отходов и т. д. Поэтому «в связи со сложными природными условиями и высоким риском хозяйственной деятельности в Арктике (...) следует учитывать при принятии решения об освоении ресурсов этой зоны потребности страны в сырьевых ресурсах, возможности их освоения в более благоприятных климатических условиях, конъюнктуру мирового рынка, а также экономические, социальные, экологические, оборонные и политические факторы» [8]. Это позволяет отдельным ученым говорить о построении экологической цивилизации Арктического региона путем «формирования устойчивой цифровой региональной инновационной экономики с экологической парадигмой, устойчивой инфраструктурой, низкоуглеродным сельским и рыбным хозяйством, выделением экологических отраслей промышленности и государственных ин-

ституты развития, продовольственной и экологической безопасностью, ориентировкой на экологические эффекты, целевые экологические индикаторы, экологические ограничения, мероприятия, устойчивым человеческим капиталом» [7, с. 448].

При определении модели обеспечения экологической безопасности Арктического региона необходимо исходить из принципа презумпции экологической опасности хозяйственной деятельности [1, с. 302]. Это требует проведения оценки воздействия любой хозяйственной деятельности на окружающую среду (далее – ОВОС). При этом совершенно справедливо отмечается, что эта оценка должна осуществляться не только в отношении планируемой деятельности, но и уже реализуемой [1, с. 302]. Также ОВОС важна не только в национальном контексте, но и трансграничном аспекте, что имеет именно для Арктики особую актуальность [5, с. 375]. Поэтому важнейшей составляющей эколого-правовой парадигмы Арктики является международно-правовое сотрудничество. Но, к сожалению, многие международные документы имеют характер мягкого права, что приводит к некой декларативности требований по охране окружающей среды Арктического региона [3, с. 468]. Поэтому необходимо изменение концептуального вектора международно-правового сотрудничества в части придания эколого-правовым требованиям к хозяйственной деятельности Арктики императивного характера.

Одна из таких мер – стратегическая экологическая оценка (далее – СЭО), которая в международных документах рассматривается как часть устойчивого экологического развития и механизм реализации Целей развития тысячелетия. СЭО также урегулирована Конвенцией об ОВОС в трансграничном аспекте (1991 г.), Директивой Европейского парламента 2001/42/ЕС (2001 г.), Киевским протоколом (2003 г.).

В РФ политико-правовые акты в области организации рационального природопользования, осуществления отдельных видов хозяйственной деятельности, охраны окружающей среды также предусматривают внедрение СЭО. В частности, это Указ Президента РФ от 19.04.2017 № 176 «О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года», Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года, утв. Президентом РФ 30.04.2012, распоряжение Правительства РФ от 22.11.2008 № 1734-р «О Транспортной стратегии Российской Федерации», Приказ МПР РФ от 06.04.2004 № 323 «Об утверждении Стратегии сохранения редких и находящихся под угрозой исчезновения видов животных, растений и грибов», Распоряжение Правительства РФ от 31.08.2002 № 1225-р «Об Экологической доктрине Российской Федерации». Но ни эти политико-правовые акты, ни документы стратегического планирования, направленные на развитие Арктики, не предусматривают особенности СЭО в части планирования и осуществления хозяйственной деятельности в Арктике, что существенно снижает роль экологических мер превентивного характера. Между тем эти эколого-правовые инструменты позволяют оценить возможные риски осуществления антропогенной деятельности и минимизировать ее негативные последствия. Поэтому актуальным является вопрос о внедрении в российскую практику СЭО. Это позволит обеспечить учет экологических требований при утверждении органами государственной власти и органами местного самоуправления стратегических планов и программ реализации хозяйственной деятельности, потенциально имеющих негативное воздействие на арктическую экосистему. Об этом свидетель-

ствуует положительный опыт ряда арктических государств – Канады, Швеции, Дании, Финляндии, Норвегии [5, с. 376].

Концептуальным в эколого-правовой парадигме Арктического региона является вопрос об организации природопользования. С одной стороны, оно должно быть направлено на достижение экономических показателей, но с другой – носить эколого-ориентированный характер. Поэтому арктическое природопользование должно быть устойчивым, эколого-сбалансированным, системным, целевым, социально ответственным [10, с. 310-311]. Это возможно путем построения в Арктическом регионе так называемой «зеленой» экономики. Это обуславливает необходимость инновационного развития арктических территорий, предполагающего интеграцию в экономику Арктического региона отраслей и видов деятельности, которые не только удовлетворяют потребности экономики и населения, но и поддерживают использование конкурентных преимуществ российской Арктики и ее природно-ресурсный потенциал. Как следствие, актуальным становится введение более строгой эколого-правовой ответственности, применение экологически чистых технологий, применение эколого-ориентированных способов производства, позволяющих организовать безопасное обращение с отходами, охрану водных объектов, ликвидировать накопленный экологический вред [6, с. 462-463].

Одна из составляющих «зеленой» экономики – эколого-ориентированное сельское хозяйство. Но для российской Арктики насущной проблемой является низкое самообеспечение продовольствием, что обуславливает угрозы продовольственной безопасности. В этом макрорегионе традиционные виды сельскохозяйственной деятельности – оленеводство, рыболовство, охота, сбор пищевых лесных ресурсов. Одновременно эта деятельность является составляющей традиционного природопользования коренных малочисленных народов, проживающих в Арктическом регионе. Между тем, климатические изменения негативно влияют, в частности, на состояние северных оленей, уменьшают их воспроизводство, обуславливают дефицит пастбищного корма, ослабление и измельчание животных, эпизоотии, массовую гибель [11, с. 93].

Для решения этих проблем арктические государства используют геномные технологии, позволяющие разработку новых пород сельскохозяйственных животных, более устойчивых к неблагоприятной экологической ситуации и ценных по своим продовольственным качествам [4, с. 247].

Развитие геномных технологий, в том числе и в сельском хозяйстве, – это стратегическая задача, обозначенная Президентом и для РФ [12, с. 2]. Однако документы стратегического планирования в сфере сельского хозяйства не содержат отдельных норм, определяющих правовой механизм применения геномных технологий в сельском хозяйстве.

Аналогичный пробел и в политико-правовых актах, направленных на развитие Арктического региона. В них не обозначена ни роль геномных технологий в экономическом, социальном и экологическом развитии Арктики, ни институциональные особенности их применения именно в условиях северных территорий.

Потенциально применение геномных технологий может повлечь негативные последствия как для арктической экосистемы, так и здоровья аборигенного населения при осуществлении ими хозяйственной деятельности. Между тем, ни эколого-правовые акты, регулирующие охрану окружающей среды, ни документы стратегического планирования по

устойчивому развитию коренных малочисленных народов не предусматривают оценку рисков применения геномных технологий для экосистемы Арктического региона и здоровья коренных малочисленных народов.

Подводя итог, при определении эколого-правовой парадигмы (модели правового обеспечения экологической безопасности) Арктического региона при реализации геномных технологий должны учитываться следующие правовые подходы:

- потенциальная экологическая опасность любой хозяйственной деятельности;
- введение императивных международных эколого-правовых предписаний;
- оценка воздействия как планируемой, так и осуществляемой хозяйственной деятельности;
- стратегическая экологическая оценка в транснациональном контексте;
- эколого-правовые риски антропогенной деятельности при применении геномных технологий;
- комплексность мер эколого-правовой охраны Арктики при осуществлении хозяйственной деятельности, в том числе и с применением геномных технологий;
- последовательность, системность и непротиворечивость стратегического планирования экологического, экономического и социального развития Арктического региона.

Литература

1. Боголюбов С.А. Пределы Арктической зоны России // Российская Арктика – территория права: альманах. Выпуск II. Сохранение и устойчивое развитие Арктики: правовые аспекты / С.Е. Нарышкин, Т.Я. Хабриева, Д.Н. Кобылкин и др.; отв. ред. В.П. Емельянец, Е.А. Галиновская. – М.: Правительство Ямало-Ненецкого автономного округа; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, М., Салехард; ИД «Юриспруденция», 2015. – С. 297-308.
2. Боголюбов С.А., Краснова И.О. Право и спасение природы российской Арктики // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – № 6. – С. 178-190.
3. Блохин В.Н. Экологический аспект устойчивого развития: специфика северных регионов // Управление инновационным развитием Арктической зоны Российской Федерации: сборник избр. тр. по материалам Всерос. науч.-пр. конф. с междунар. участием, Северодвинск, 14-16 сентября 2017 г. / сост. Е.Н. Богданова, И.Д. Нефедова. – Архангельск: КИРА, 2017. – С.467-469.
4. Воронина Н.П. Геномные технологии и их влияние на здоровье коренных малочисленных народов арктической зоны // Право и современные технологии в медицине: монография / отв. ред. А.А. Мохов, О.В. Сушкова. – М.: Проспект, 2019. – 368 с.
5. Кичигин Н.В. Применение процедур экологической оценки в Арктике // Российская Арктика – территория права: альманах. Выпуск II. Сохранение и устойчивое развитие Арктики: правовые аспекты / С.Е. Нарышкин, Т.Я. Хабриева, Д.Н. Кобылкин и др.; отв. ред. В.П. Емельянец, Е.А. Галиновская. – М.: Правительство Ямало-Ненецкого автономного округа; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, М., Салехард; ИД «Юриспруденция», 2015. – С. 375-378.
6. Липина С.А. Зеленые драйверы инновационного развития российской Арктики // Арктика: инновационные технологии, кадры, туризм: материалы междунар. науч.-пр. конф.,

Воронеж, 19-21 ноября 2018 г. / под общ. ред. В.И. Прядкина. – Воронеж: ВГЛУ, 2018. – С. 460-464.

7. Некрасова М.А. Стратегическое позиционирование России на пути построения экологической цивилизации Севера: инновационные экологические технологии в управлении и строительстве // Управление инновационным развитием Арктической зоны Российской Федерации: сборник избр. тр. по материалам Всерос. науч.-пр. конф. с междунар. участием, Северодвинск, 14-16 сентября 2017 г. / сост. Е.Н. Богданова, И.Д. Нефедова. – Архангельск: КИРА, 2017. – С. 448-460.

8. Постановление Правительства РФ от 7 марта 2000 г. № 198 «О Концепции государственной поддержки экономического и социального развития районов Севера» // Собрание законодательства РФ. – 2000. – № 12. – Ст. 1286.

9. Проблемы и перспективы развития Арктического региона. Учебно-методические материалы № 6/2017 / Д.Д. Максимова. – М.: НП РСМД, 2017. – 56 с.

10. Пушкарёва Л.В. Совершенствование методов управления природопользованием и охраны окружающей среды регионов Крайнего Севера // Российская Арктика – территория права: альманах. Выпуск II. Сохранение и устойчивое развитие Арктики: правовые аспекты / С.Е. Нарышкин, Т.Я. Хабриева, Д.Н. Кобылкин и др.; отв. ред. В.П. Емельянец, Е.А. Галиновская. – М.: Правительство Ямало-Ненецкого автономного округа; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, М., Салехард; ИД «Юриспруденция», 2015. – С. 309-317.

11. Южаков А.А. Ямальское оленеводство в XXI веке: генетический ресурс, культурное наследие или бизнес? // Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. – 2017. – № 1. – С. 93.

12. Voronina N.P. On the model of legal regulation to provide environmental safety of the arctic with genomic technology // Journal of Agriculture and Environment. – 3 (11). – 2019. – P. 1-4.

УДК 378.1, 7.01, 008

**ЭСТЕТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ
В УЧЕБНОМ ПРОЦЕССЕ КАФЕДРЫ ИСТОРИИ И ФИЛОСОФИИ
РОССИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМ. Г.В. ПЛЕХАНОВА**

Киндзерская М. А.

кандидат культурологии,
доцент кафедры истории и философии
ФГБОУ ВО «Российский экономический
университет им. Г.В. Плеханова»
Тел.: 8(906)718-11-24
E-mail: ma_kindzerskaja@rambler.ru

Аннотация. В статье рассмотрены условия воспитания эстетической культуры студентов, совокупность принципов, форм, методов и средств, которые используются на кафедре истории и философии в педагогической деятельности. Мероприятия, используемые в учебном процессе, способствуют развитию творческого и эстетического потенциала студен-

тов, создают эстетически благоприятную среду обитания в Российском экономическом университете им. Г.В. Плеханова.

Ключевые слова: эстетическое воспитание; студенческая молодежь; принципы эстетического воспитания; театр; музей; экскурсия; круглый стол; корпоративная культура; студенческие конференции.

**AESTHETIC EDUCATION OF STUDENT YOUTH IN THE EDUCATIONAL PROCESS
OF THE DEPARTMENT OF HISTORY AND PHILOSOPHY
OF THE RUSSIAN ECONOMIC UNIVERSITY G.V. PLEKHAHOVA**

Marina KINDZERSKAYA

Ph.D (Culturologie),

Assistant Professor

of the department of History and Philosophy

of the Plekhanov Russian University of Economics

Phone: 8(906) 718-11-24

E-mail: ma_kindzerskaja@rambler.ru

Abstract. The article discusses the conditions for the education of the aesthetic culture of students, the set of principles, forms, methods and tools that are used in the department of history and philosophy in pedagogical activity. The activities used in the educational process contribute to the development of the creative and aesthetic potential of students, create an aesthetically favorable living environment at the Russian Economic University. G.V. Plekhanov.

Keywords: aesthetic education; student youth; principles of aesthetic education; theater; museum; excursion; round table; corporate culture; student conferences.

Эстетическое воспитание студенческой молодежи является одним из важных механизмов формирования активного, духовного-нравственного гражданина, ответственного за судьбу Отечества, способного отличить истину от заблуждений, добро от зла, прекрасное от безобразного, вечное от преходящего. В современном мире существует множество неблагоприятных факторов для эстетического развития молодежи: преобладание массовой культуры, отсутствие полноценного эстетического и художественного воспитания на всех уровнях системы отечественного образования и т. д.

Условия воспитания эстетической культуры в студенческой среде – это совокупность задач, подходов, принципов, форм, методов, приемов и средств эстетического воспитания. Все они носят общепедагогический характер, однако эстетический аспект присутствует в каждой педагогической задаче, принципе эстетического воспитания, форме обучения и воспитания и т. д.

Принцип эстетического воспитания – это некое исходное положение, стратегия решения задач эстетического воспитания.

Взяв за основу «Многомерную модель систематики педагогических принципов» Андреева В.И. [1], перечислим основные принципы эстетического воспитания студентов, применяемые в образовательном процессе кафедры истории и философии РЭУ им. Г.В. Плеханова:

1) принцип системности – эстетический аспект системы факторов эстетического воспитания: трудовая деятельность – окружающая среда – межличностные отношения – природа – произведения искусства;

2) принцип оптимальности – оптимального сочетания теории и практики;

3) принцип социализации – взаимосвязь учебно-творческой деятельности студентов с практикой, учет современных достижений науки, культуры и производства в процессе обучения и воспитания;

4) принцип положительного эмоционального фона обучения;

5) принцип профессиональной направленности, особенно важный в процессе обучения в вузе.

Формы эстетического воспитания студентов – это внешняя организация учебно-воспитательного процесса. Из общих форм необходимо выделить следующие:

1. Индивидуальную, как наиболее эффективную. Индивидуальные формы обучения и воспитания позволяют добиться максимального и более точного усвоения студентами изучаемого материала, проконтролировать правильность усвоения его каждым студентом, выявить индивидуальные ошибки учащихся, проследить за увеличением или уменьшением их количества. Такими формами являются, например, индивидуальные консультации вне аудитории по отдельным темам.

2. Фронтальную, как максимально экономящую время. Одной из таких форм является коллоквиум по блоку тем. Хорошо организованный коллоквиум, активность студентов, требование от них продуманных, коротких и четких ответов, углубление знаний имеют, несомненно, эстетический аспект.

Фронтальные формы работы экономят время, т.к. одновременно работают все студенты. Однако эта форма имеет и недостатки: чтобы достигнуть цели (например, выполнить задание за определенное время), студенты должны работать синхронно, в едином темпе. Но на деле более слабые студенты отстают, а для более сильных – уровень сложности и темп выполнения задачи бывает явно недостаточными. Поэтому необходимо оптимально сочетать индивидуальные и фронтальные формы обучения и воспитания [2].

Из внешних форм, применяемые в учебном процессе кафедры истории и философии, необходимо выделить:

1) лекцию, т.к. любой теоретический материал имеет эстетический аспект, кроме того, в лекции можно широко использовать средства эстетического воспитания: живопись, музыку, литературу, театр, художественные, документальные и учебные фильмы и прочее. На занятиях студенты знакомятся с историей, культурой и этнографией родного края. Комплексное изучение региона позволит студентам пробудить интерес к путешествиям, что будет способствовать развитию внутреннего туризма;

2) деловую игру, поскольку в ходе игры студенты не только демонстрируют свои знания по предмету, умение грамотно изложить мысль и т. д., но и учатся думать, анализировать, принимать решения, находить выход из неожиданных ситуаций и отвечать на неожиданные вопросы, т.е. максимально раскрывают свой творческий потенциал. Кроме того, в ходе игры они испытывают различные эстетические чувства: сопереживания, волнения, восторга, когда они сами или их однокурсники находят оптимальное, краткое, а значит, красивое решение задачи, проблемы;

3) семинары и конференции, на которых студенты демонстрируют культуру публичного выступления, красоту научных выводов и т. д.;

4) экскурсии в музеи, театры, храмы и монастыри г. Москвы и Московской области, галереи, выставочные центры, расширяющие кругозор, развивающие и воспитывающие гармоничную личность [3, с. 28].

Таким образом, в Российском экономическом университете им. Г.В. Плеханова в учебном процессе кафедры истории и философии эстетическому воспитанию студенческой молодежи уделяется большое значение. На первый план выходит строгий учет посещаемости, организация круглых столов о «Корпоративной культуре РЭУ им. Г.В. Плеханова», беседы по поведению и внешнему виду студентов и все это дополняется мероприятиями по эстетическому воспитанию и профессиональному направлению. Из данных мероприятий, которые были проведены в I семестре 2019–2020 учебного года можно назвать следующие:

1) знакомство с экспозицией музея Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. В музее студенты знакомятся с хронологией экономического образования в стране, многочисленные музейные экспонаты позволяют узнать пути исторического развития родного вуза и т. п. Несмотря на разнообразие целей, приводящих студентов в музей (образовательная, досуговая, учебная), все они, в конечном итоге, приобщаются к культурному наследию, ощущают свою причастность к свершениям предшественников и современников. Через музейную коммуникацию рождается стремление к творчеству и созиданию [4];

2) посещение театров (театр им. Евг. Вахтангова, театр Луны, театральный центр «Вишневый сад» и т. д.);

3) посещение московских музеев и галерей (Государственный Исторический Музей, Центральный театральный музей имени А.А. Бахрушина, Третьяковская галерея, музей «Стрелецкие палаты» и др.).

Музей играет активную роль в формировании эстетической и профессиональной культуры студенческой молодежи. Современный музей является не только хранилищем ценностей и связующим звеном времен, он, в первую очередь, формирует у посетителей способности к творческому восприятию того или иного феномена культуры [5].

Посетив музейную экспозицию, студенты пишут эссе, где делятся своими впечатлениями, прикладывают фотографии, а преподаватель оформляет материал в тематические папки по группам. Благодаря тому, что музей создает особые эмоциональные отношения между зрителем и экспонатом, происходит творческое осмысление духовных и культурных ценностей. Целостное эмоционально-личностное переживание посетителя музейной экспозиции является высшей, специфической формой познания.

В планах – организация встреч со знаменитыми людьми: учеными, писателями, художниками, музыкантами и многими другими творческими личностями.

И, кроме того, ежегодно кафедра проводит межвузовские студенческие научно-практические конференции, что в немалой степени способствует развитию творческих и научных способностей студентов.

Практика показала, что вышеперечисленные мероприятия содействуют развитию творческого и эстетического потенциала студентов. Посещение театров и музеев способствует приобщению к элитарной культуре. Периодические выставки картин создают эстетически

благоприятную среду обитания в Российском экономическом университете им. Г.В. Плеханова. И, на наш взгляд, преподавателям кафедры необходимо продолжать работу в данном направлении, усовершенствовать принципы и формы работы эстетического воспитания студенческой молодежи.

Литература

1. Андреев В.И. Педагогика: Учебный курс для творческого саморазвития. – Москва, 2000. – 608 с.
2. Ахмедова М.М., Киндзерская М.А., Конова Е.Ю. Комплекс мер по сохранению культурно-исторического наследия в современной России // Современные фундаментальные и прикладные исследования. – 2011. – № 3. – С. 15-16.
3. Киндзерская М.А. Музей в образовательном пространстве артистов балета // III Всерос. науч.-пр. конф. с междунар. участием «Актуальные вопросы развития искусства балета и хореографического образования», посвящ. Году театра в РФ. – 2019. – № 2 (48). – С. 28-30.
4. Корнилова И.М. Гуманитарные дисциплины при дополнительном профессиональном образовании // Право и образование. – 2018. – № 10. С. 59-67.
5. Науменко О.А. Экологические идеи в религиозных учениях // Фундаментальные и прикладные науки сегодня: материалы XVI междунар. науч.-пр. конф., North Charleston (USA), 17-18 сентября 2018 г. – Т. 1. – North Charleston, USA, 2018. – С. 94-96.

УДК 316.42, 94

ГИБЕЛЬ ДЕРЕВЕНСКОГО УКЛАДА: ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС ИЛИ ЧС ГОСУДАРСТВЕННОГО МАСШТАБА?

Коновко А. В.

кандидат технических наук, доцент,
доцент кафедры (высшей математики)
ФГБВОУ ВО «Академия гражданской защиты
МЧС России»
Тел.: 8(916) 459-18-36
E-mail: Konovko.av@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена революционным преобразованиям на селе в 1917–1933 годах в Советском Союзе. Продовольственный кризис, разразившийся в 1917 году, подрыв, крестьянские войны и, наконец, ускоренная коллективизация привели к гибели прежнего деревенского уклада. Результатом стали отсталость агроприемов, некачественная обработка земли, засоренность и зараженность посевов и, как следствие, – голод. Предлагается анализ социальных процессов, приведших к голоду 1932–1933 гг. проводить методами теории самоорганизованной критичности.

Ключевые слова: СССР; крестьяне; коллективизация; голод; кулаки; зерновые запасы; общество риска; самоорганизованная критичность.

DESTRUCTION OF THE VILLAGE: A HISTORICAL PROCESS OR AN EMERGENCY OF STATE SCALE?

Andrey KONOVKO

Ph.D (Technical Sc.), Associate professor,
Assistant Professor
of the department of higher mathematic
Civil Defence Academy EMERCOM of Russia
Tel.: 8 (916) 459-18-36
E-mail: Konovko.av@gmail.com

The article is devoted to the revolutionary transformations in the countryside in 1917-1933 in the Soviet Union. The food crisis that erupted in 1917, the grain requisitioning expeditions (prodrazverstka), peasant wars and, finally, accelerated collectivization led to the death of the former rural way of life. The result was backwardness of agricultural practices, poor-quality land cultivation, weediness and contamination of crops, and, as a result, hunger. An analysis of social processes leading to the famine of 1932–1933 is proposed to be carried out by methods of self-organized criticality.

Keywords: USSR; peasant; collectivization; hunger; kulaks; grain reserves; risk society; self-organized criticality.

Как известно, государственная политика по предупреждению ЧС в нашей стране строится по двум основным направлениям: а) создание системы мониторинга рисков; б) создание государственного механизма управления рисками [9]. Жизнь на планете Земля стремительно изменяется и вместе с ней изменяются и риски. Риск голодать и мерзнуть можно поменять на риск заражения окружающей среды радионуклидами и химией. Не надо думать, что «иного не дано». Когда-то, на заре создания МЧС, предполагалось, что именно эта структура будет готовить для высшего руководства страны аналитическую информацию о природных, техногенных, социальных и экономических рисках. Тогда, в период тесного сотрудничества между МЧС России и РАН, была осуществлена постановка новых фундаментальных и прикладных научных задач: математической теории катастроф и вероятностной теории рисков; техники ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций техногенного характера и пр. При этом большое число работ последнего десятилетия, основанных на теории самоорганизованной критичности, показали свою эффективность в оценке существующих социальных и политических рисков.

История показывает, что последствия ЧС природного и техногенного характера часто меркнут перед результатами рукотворных социально-политических преобразований. Таковы, например, последствия голодного мора 1932–1933 годов. В официальном заявлении, подготовленном Государственной Думой РФ «Памяти жертв голода 30-х годов на территории СССР», изданном 2 апреля 2008 г. [12], сказано, что на территории Поволжья, Центрально-Черноземной области, Северного Кавказа, Урала, Крыма, части Западной Сибири, Казахстана, Украины и Белоруссии «от голода и болезней, связанных с недоеданием» в 1932–1933 гг. погибло около 7 млн человек. Однако некоторые ученые число погибших от голода только на Украине оценивают в 6 млн человек. И только с началом перестройки историки стали задавать извечный российский вопрос: кто виноват? Претендентов на однозначный ответ было

немало. Первыми по списку предсказуемо шли политические деятели тех лет: Сталин, Андреев, Каганович и др. Затем следовали: неурожай, коллективизация, кулацкий саботаж в деревне и пр. Но из перечисленных ответов выбрать, как это делается в тестовых задачах, единственно правильный, оказалось невозможно.

Вероятно, благодаря распространению точных наук, таких как физика, и химия мы пребываем в иллюзии, что у любого события существует некий ограниченный перечень причин. Так, вода может быть превращена в пар посредством подогрева, а может быть разложена на кислород и водород, если через нее пропускать постоянный электрический ток. Как у одного, так и у другого события есть вполне конкретная причина. Даже если результат определен неоднозначно, источник любого события всегда оказывается налицо в виде некоего действия, эксперимента. В теории вероятностей в таких случаях говорят: проводим испытание. Но так дело обстоит, когда мы имеем дело с очень простыми событиями. Все меняется, лишь только речь заходит о событиях, связанных, скажем, с человеческой историей. Неожиданно оказывается, что наличие огромного количества исторических предпосылок не дает найти той единственной, все объясняющей причины, которая реально отсутствует.

Октябрьская революция означала не только смену социального строя, о чем справедливо говорят, как о ее сути, но в некотором смысле – смену цивилизаций. Патриархальная деревня, сами устои крестьянской России начали рушиться уже в последней трети XIX в., и усилиями большевиков были добиты с тем, чтобы на ее месте построить новую техническую цивилизацию. Социальные и индустриальные преобразования в обществе были неразрывно связаны друг с другом. За спиной социальных преобразований в России стояла, начиная с реализации плана ГОЭРЛО, революция индустриальная. К несчастью, индустриализация страны по факту стоила миллионов погибших от голода.

Казалось бы, власть рабочих и крестьян должна была с самого начала поставить себя на службу народу. Но в деревне новой власти пришлось начинать не с братания с крестьянами, как об этом мечтал П.А. Кропоткин, а с продразверстки. Не с этого ли момента между властью и «немой» крестьянской Россией пролегла катастрофическая пропасть?

Продовольственная разверстка была запланирована, но не осуществлена еще Временным правительством. В 1917 г. законы, принятые по инициативе П.А. Столыпина и названные Столыпинской реформой, были отменены. С осени 1917 г. продовольственный кризис охватил всю территорию Европейской России, и даже фронт. Как в Февральской, так и в Октябрьской революциях 1917 г. голод стал одним из главных факторов развития событий.

Продовольственная разверстка была вынужденной мерой новой советской власти. Но то, что казалось вполне логично властям, встретило такое же логичное неприятие со стороны крестьян. Прекраснодушные надежды Петра Кропоткина на то, что «город пошлет в деревню не комиссара, а друзей, братьев», не оправдались.

Первая волна крестьянских мятежей пришлась на 1918 год. По официальным данным ВЧК с июля по ноябрь в советской республике вспыхнуло 108 «кулацких мятежей», а за весь год только в 20 губерниях Центральной России было 245 восстаний.

Положение деревни при этом с каждым годом, даже месяцем, становилось все более трагическим. В 1920 г. многие регионы поразила засуха. В Тамбовской губернии, ставшей родиной Антоновского мятежа, крестьянство, по признанию В.А. Антонова-Овсеенко,

«пришло в полный упадок, а в ряде волостей Усманского, Липецкого, Козловского, Борисоглебского уездов «проели не только мякину, лебеду, но и кору, крапиву» [1].

14 марта 1921 г. на X съезде РКП(б) в стране был объявлен НЭП: продразверстка заменялась продналогом. Крестьянские армии были разгромлены; война с крестьянством сошла на нет. Началось восстановление народного хозяйства; в результате проведенной денежной реформы рубль к 1924 г. стал конвертируемой валютой. Казалось, к 1925 г. на селе воцарился не только мир, но и скромное благоденствие.

Ученые-аграрники вели активную дискуссию о путях развития сельского хозяйства в СССР. Успехи капитализма в индустриальном развитии у многих, в первую очередь у марксистов, создали иллюзию, что в сравнении с капиталистическими формами хозяйствования все остальные являются отсталыми. В связи с этим, на рубеже XIX–XX вв. между марксистами и рядом экономистов, такими, как итальянец Джероламо Гати, австриец Фридрих Отто Герц, русский экономист М.И. Туган-Барановский и др. возникла дискуссия. Например, М.И. Туган-Барановский утверждал, что тезис «аграрная революция идет по пути промышленной», основан на серьезной ошибке, а основу устойчивости мелких трудовых хозяйств он видел в мотивационной стороне. Уже после победы Советской власти в СССР идеи Туган-Барановского нашли свое отражение в работах представителей организационно-производственной научной школы, куда вошли А.В. Чаянов, Н.Д. Кондратьев (ученик Туган-Барановского) А.Н. Челинцев, В.Н. Макаров, А.А. Рыбников, А.Н. Минин, Г.А. Студенский и другие. Именно на двадцатые годы XX в. и пришелся расцвет этой школы. Первые успехи НЭПа, казалось, всецело подтверждали их позицию. Н.Д. Кондратьев, заведующий кафедрой Тимирязевской сельскохозяйственной академии, разрабатывает «Учение о сельскохозяйственных рынках». В 1923 г. в Германии выходит книга А.В. Чаянова «Учение о крестьянском хозяйстве». В 1925 г. после существенной доработки она будет издана в России. Книгу раскритикуют, т.к. ее направленность будет идти вразрез как с мнением левых (Л.Н. Крицман, В.С. Немчинов, А. Гайстер), так и правых (С.Н. Прокопович, Л.Н. Литошенко, Н.П. Кондратьев) аграрников. В 1925 г. экономистам еще можно будет спорить – сельское хозяйство не только держится на плаву – кажется, оно находится на подъеме. В уборочной кампании 1925 г. валовый сбор зерна превысил сбор 1913 г. на 11 %, льна на 12 %; к показателям близким к 1913 г. подошло и животноводство. При этом львиную долю товарного зерна и мяса давали середняцкие хозяйства. Современные исследователи часто утверждают, что НЭП накормил страну. Вероятно, тогда в это поверило и руководство СССР. От добра, как говорится, добра не ищут. Поэтому, когда в 1925 г. у Сталина спросили, целесообразно ли закрепить за каждым крестьянином участок земли на 10 лет, он не только поддерживал эту идею, но и добавил: «Даже и на сорок лет!». Экономисты нового времени не преминули бы отрапортовать, что сельское хозяйство страны вышло на траекторию устойчивого развития. Но на поверку эти надежды оказались далеки от реальности.

Крестьянские хозяйства вернулись к традиционным способам ведения земледелия, что не могло не сказаться на всем уровне агротехники. Малые размеры единоличных хозяйств не позволяли ввести полноценный севооборот; объективно сложились условия к возникновению монокультур. Низкий уровень обработки земли и отсталость агроприемов привели к резкому колебанию урожайности. Высокая засоренность и зараженность посевов стала со временем привычной для агропроизводителя и, по существу, превратилась в норму. Бытующую

щее в литературе мнение о «безграмотной» сельской бедноте и «образованных» кулаках не выдерживает критики. Способы ведения хозяйства были у всех одинаковыми. При этом, любой скачок погодных условий неминуемо приводил к тому, что в условиях НЭПа продовольственный рынок реагировал безудержным ростом цен. Так, хлебозаготовительный кризис 1927–1928 гг. породил потребительский ажиотаж и взвинтил рыночные цены на хлеб. Эти цены пришли в резкое противоречие с твердыми закупочными ценами, которые предлагало государство. С 1929 г. хлеб начал распределяться по карточкам. Ширилось массовое недоедание, как политикой власти, так и кулаков. При этом НЭП создал еще одну категорию «кулаков-перекупщиков», которые, не будучи производителями, наживались за счет хлебных спекуляций. В сложившейся ситуации власть решила кулаками пожертвовать. Но это было только начало: кризис 1927–1928 гг. уверенно проложил путь к Великому перелому.

У НЭПа открылся еще один неожиданный изъян: оказалось, что он генерирует избыточную денежную массу. Из-за коммерческого кредитования предприятиями друг друга в период с 1925 по 1928 г. наличные рубли и безналичные остатки на счетах предприятий выросли соответственно в 1,6 и в 1,7 раза. (Также повела себя и советская экономика времен Гайдаровских реформ.) НЭП не стал и не мог стать панацеей ни в промышленности, ни в сельском хозяйстве. При наличии некоторых благоприятных, прежде всего погодных условий, он содействовал производству зерна и росту экономики, как современную экономику поддерживает добыча нефти и газа. Но СССР нужен был рынок, и руководство страны решается на всеобщую коллективизацию.

Еще каких-то три года до того существовала иллюзия, что деревня даст столько зерна, сколько потребуется. Зерно было стратегическим продуктом; просто СССР больше нечего было предложить на внешнем рынке. Первый пятилетний план на 1928/29–1932/33 гг. должен был осуществить сдвиг в процессе индустриализации. Опыт первых лет советской власти показал, что продрозверстка чревата большими проблемами. А коллективизация одним махом могла решить как проблему с хлебом, так и получение валютных средств, а значит, и импортного промышленного оборудования.

Придуманная кем-то формулировка, в которой Сталин уже в перестроечный период был охарактеризован как «эффективный менеджер», вызвала в современных СМИ целую бурю возмущения. Негодовали сталинисты (масштаб личности этого выдающегося человека, сыгравшего столь значительную роль в мировой истории XX в., никак не укладывается в смешное определение «эффективного менеджера»). Но, кажется, еще сильнее были возмущены антисталинисты, для которых отец народов был настоящим исчадием ада, таким дьяволом во плоти, на которого так удобно оказалось списать все трагедии XX века.

Надо признать, что люди, даже великие, зачастую придерживаются поочередно или даже одновременно совершенно разных убеждений, причем, часто совершенно несовместимых. Так вера в счастливое будущее (конечно, коммунистическое!) могла в сознании вождей пролетариата вполне уживаться с такой же святой верой в необходимость скорейшего уничтожения крестьянства, как класса.

Бывший семинарист Иосиф Джугашвили был абсолютно равнодушен к Мамоне. И когда его, практически абсолютная власть утвердилась в СССР окончательно, сатана поймал его на куда более изящную наживку: употребить эту власть, чтобы сделать всех людей

счастливыми. Конечно, имелось в виду не этих, сегодняшних, погрязших во грехе, а тех, будущих, которым посчастливится жить и творить при коммунизме.

Жребий был брошен. В 1927 г. Г. Зиновьев в журнале «Большевик» печатает статью «Манифест кулацкой партии». Там публичной порке будет подвергнут Н.П. Кондратьев, а заодно с ним и А.В. Чаянов, А.Н. Челинцев и другие ученые экономисты.

С этого момента в России началась насильственная модернизация традиционного общества в общество новой технической цивилизации, построенной на основе марксистских идей. В этом новом обществе не было места прежнему укладу сельского труженика; оно должно было быть всецело построено по лекалам наступающей технической цивилизации и, конечно, было глубоко чуждо крестьянину. Сельское хозяйство большевики хотели сразу же поставить на индустриальную, промышленную основу, так, как это понимали марксисты. Для большевиков это было тем более актуально, что во время непрекращающегося продовольственного кризиса в России в руках крестьянства пока еще оставался сильнейший рычаг воздействия на власть – хлеб!

Коллективизация сельского хозяйства, проведенная как механическое обобществление наделов и инвентаря, проводилась безо всякого учета научных достижений в агротехнике. Сельскохозяйственная наука практически оказалась исключена из этого чисто политического решения. Представителей организационно-производственной школы отстранят от дел и через 10 лет, 3 октября 1937 г., Н.Д. Кондратьев будет «за ненадобностью» расстрелян, несколько месяцами спустя, в 1938 г., расстреляют и А.В. Чаянова.

На фоне гибели прежнего сельского уклада в 1931 г. на Украине случилась сильная засуха. В связи с засухой произошел массовый падеж скота. Согласно зерновому балансу в 1932 г. на корм скоту досталось вдвое меньше зерна, чем в 1930 году. В результате пало 6,6 млн лошадей – четвертая часть еще оставшегося тяглового скота. В 1932 г. это привело к тому, что план по увеличению посевных площадей был сорван, а на оставшихся площадях обработка почвы была совершенно недостаточной.

Кроме того, в эти годы село потеряло огромную массу наиболее работоспособных здоровых молодых людей: 2 млн крестьян были выселены в отдаленные районы страны, одновременно проходила активная миграция сельского населения в города. В итоге, произошло катастрофическое снижение уровня агротехники. Мечта Сталина о механизации сельского хозяйства тогда еще не могла быть осуществлена. Планируемое на 1933 г. оснащение деревни тракторами запоздало на целых семь лет.

По результатам Всесоюзного совещания по борьбе с сорной растительностью правительство постановило организовывать Всесоюзный комсомольский поход на сорняки (объявлен 6 января 1933 г.) [14]. Из сборника ВИЗРа следовало, что потери от сорной растительности составляли 200–300 млн. центнеров хлеба [2, с. 4]. Мало того, посевы пшеницы были поражены ржавчиной во всех зерновых районах СССР [3; 4; 7, с. 51]. Пораженность ржавчиной привела в 1932 году к гибели 50 % урожая зерна на Северном Кавказе и 20-30 % на Украине [7, с. 56; 12; 8]. Одновременно, отмечалось массовое размножение грызунов в южных и юго-восточных районах СССР. Размножением грызунов к осени 1932 г. была охвачена вся Степная зона от Бессарабии (Молдова) до Дона и предгорий Кавказа [11; 16]. При этом, собираемость урожая власти хотели решить увеличением налога. Такова была основная направленность политики в отношении крестьянина. И это не удивительно: урожай 1932 г.

был лучше (или должен был быть лучше из-за отсутствия засухи), чем в 1931 г., но, по признанию Сталина в речи 11 января 1933 г., хлебозаготовки шли хуже, чем в предыдущем году. Начались репрессии. Повсеместно использовалась практика конфискация зерна, имущества, а то и домов, описанных за неуплату налогов в счет неурожайного 1931 года. Постановлением от 6 мая 1932 г. была формально разрешена колхозная торговля хлебом, но после того, как будут полностью выполнены планы хлебозаготовки и по семенному фонду. Для крестьян Украины и Северного Кавказа план этот оказался неподъемным.

Для выполнения хлебозаготовок уже невозможно было справиться силами буксирных бригад, формируемых на местах. Как и в годы раскулачивания, наряду с сельскими активистами были мобилизованы члены партии и комсомола из города. Начиная с октября–ноября, тон постановлений о хлебозаготовках становится все более угрожающим.

С этого времени, по инициативе районных исполнительных комитетов (РИК), начинается экономическая блокада сел с плохими показателями по хлебозаготовкам. Вскоре эта инициатива низов будет подхвачена и «верхами» и распространена на целые районы. Но на первых порах центральные власти ограничиваются только селами.

Шестого декабря 1932 г. вышел декрет Совнаркома УССР и ЦК КП(б)У «Про занесение на черную доску сел, злостно саботирующих хлебозаготовки». В нем предписывалось:

1. Немедленно приостановить поставку продуктов, прекратить местную кооперацию и государственную торговлю. Изъять все имеющиеся товары из государственных и кооперативных магазинов.

2. Запретить продажу сельхозпродукции всем колхозам, колхозникам и единоличникам.

3. Прекратить выплаты авансов (до полного расчета колхоза с государством оплата трудодней продуктами осуществлялась с колхозниками как бы авансом. Так, хлеба на трудодни положено было выдать не более 15 % от фактического обмолота, конечно, только при условии выполнения плана хлебозаготовок. Поэтому, прекращение выплат авансов практически означало прекращение каких-либо расчетов колхоза с колхозниками натуральными продуктами. – А.К.) наложить запрет на все кредиты и иные финансовые обязательства.

4. Проверить и очистить органами рабоче-крестьянской инспекции аппарат кооперативного и государственного секторов от всех чуждых и враждебных элементов.

5. Проверить и провести чистку в назначенных выше селах всех контрреволюционных элементов, организаторов срыва хлебозаготовок.

Но всего через 11 дней, 15 декабря 1932 г., в центральной прессе был опубликован уже список не отдельных сел, а целых районов, подлежащих занесению на черную доску. Из 358 районов, насчитывающихся на Украине, блокированными оказалось 88. За два месяца хлебозаготовок на черную доску занесли 15 станиц (13 Кубанских и 2 Донских), а Л. Коганович пригрозил Кубанскому казачеству поголовным выселением [10].

Тотальная экономическая блокада сопровождалась изъятием у крестьян имеющегося хлеба силами буксирных бригад. На этом, впрочем, не останавливались: у крестьян изымали имущество и целыми семьями ссылали в Сибирь. Новая волна раскулачивания, судебных дел, распродажи крестьянского имущества прокатилась, как и в 1929 г. по Украине и Северному Кавказу, захлебнувшись в марте 1933 г. повальным мором. Тем не менее, план по хлебозаготовкам так и не был выполнен.

Знали ли власти о разразившемся голоде? Безусловно, знали. Вот выдержка из ответа Сталина на письмо Шолохова: «(...) уважаемые хлеборобы вашего района (и не только вашего района) проводили «итальянку» (саботаж!) и не прочь были оставить рабочих, Красную армию – без хлеба. Тот факт, что саботаж был тихий и внешне безобидный (без крови), – этот факт не меняет того, что уважаемые хлеборобы по сути дела вели «тихую» войну с советской властью. Войну на измор, дорогой тов. Шолохов (...). Ясно, как божий день, что уважаемые хлеборобы не такие уж безобидные люди, как это могло бы показаться издали (...)» [15, с. 717-720].

По-видимому, после 1931 г. руководство страны хорошо запомнило: неурожай связан с засухой. И, все же, даже такое, почти искусственное предположение, не объясняет до конца позицию властей в период голодного мора 1932–1933 годов. Как видно из письма Сталина Шолохову, причину трудностей с хлебозаготовками, возникавшими еще в 1926–1928 гг., Сталин видел в сопротивлении крестьянства, а в самих крестьянах – внутренних врагов. Слишком свежи были воспоминания о крестьянских восстаниях, о целых армиях: Махно, Григорьева, Антонова... Потому не будет преувеличением считать, что, помимо решения проблем индустриализации, Сталин вполне сознательно решил для себя еще одну проблему: он нанес смертельный удар по крестьянству как классу. Иначе, как объяснить то поразительное равнодушие, с которым отец всех народов реагировал на информацию «с мест»?

Из Центра шли грозные директивы о необходимости выполнения плана любой ценой, а все попытки местных властей добиться его уменьшения решительно пресекались [13]. Так, во второй половине ноября 1931 г. на места были отправлены директивы, в которых Сталин и Молотов предлагали партийному руководству «немедленно организовать перелом в хлебозаготовках». Массовые репрессии «на почве борьбы с саботажем хлебозаготовок» осенью 1932 г. проходили под пристальным контролем самого И.В. Сталина [13]. Наибольшей эффективностью отличались чрезвычайные комиссии, руководимые представителями высшего руководства страны: Андреева, Кагановича, Молотова и Постышева. Последний был сначала направлен выбивать хлеб на Нижнюю Волгу, а в канун нового 1933 г. ему и Кагановичу предписано было выехать на Украину.

К тому времени в селах Украины не осталось ни продовольствия, ни посевного зерна. Из деревни вытряхнули все. Тем не менее, Павел Постышев решительно отказал в государственной помощи крестьянам посевным зерном. Голодная смерть стала обычным явлением на Украине и Северном Кавказе. Теперь в постановлениях районных и областных уровней все чаще появляется гриф «Оглашению не подлежит» или еще яснее «Совершенно секретно» и все чаще мелькает зловещая аббревиатура ГПУ.

Весной начался повальный мор. Люди умирали от голода, а вместо продуктов из области в район, а из района в сельсоветы шли и шли депеши секретного содержания о возможности сдачи рядом совхозов зерна любой другой культурой, о добровольном сборе продуктов и денежных средств для детских ясель и пр.

Однако даже под бдительным оком ГПУ вытрясти из умирающей деревни продукты было уже практически невозможно. Под приказы и понукания все же умудрялись собирать какие-то крохи.

«Секретарю Балаклеевского РИКа т. Мирошниченко. Нуровский сельсовет сообщает, что нами по подписным листам на ясельную компанию по положению на 10 мая 1933 года

собрано: денег – 28 руб. 75 коп., мяса – нет, молока – 5 л., яиц – 18 шт., свеклы – 80 кг. 17 мая 1933 г.» [5, с. 132].

Тем, кто не мог собрать ничего, в мае из района начали идти грозные предупреждения: «Вам за не предоставление ведомостей по сбору продовольствия для нужд колхозников и единоличников, а также для детясель ставится на вид. За не предоставление соответствующей формы до 23 мая 1933 года о Вас будет поставлен вопрос на Президиуме РИКа» [6, с. 128].

Председатель Иванчухинского сельсовета задержался со сбором продуктов и средств и только после строгого предупреждения отправил свою ведомость. К 5 июня ему удалось собрать денег – 20 руб., яиц – 70 шт., столовой свеклы – 50 кг. [5, с. 92а].

Могла ли такая помощь спасти умирающих детей? Вряд ли! Какой же смысл было в организации этих ясель? Умирающие люди потянулись из сел в города и это ни на шутку обеспокоило власть. Весной 1933 г. с особой строгостью стали применять постановление, запрещающее передвижение по дорогам без специальных документов.

«Председателю Балаклеевского РИКа Начальнику отдела ГПУ Сводка

Сообщаю, что за период компании по ликвидации беспризорности детей по райцентру органами милиции подобрано детей в количестве 300 человек. Беспризорность детей относится в основном за счет сел: Яковенково – 60 человек; Борщевка – 50 человек; Бригадирово – 50 человек; Гусаровка – 40 человек. Еще 100 детей относится за счет остальных сел района. Одновременно имеется приток детей за счет Петровского района по сельсоветам: Протопоповка, Волково, Глазуновка, Осеевка.

Начальник РК милиции Балаклеевского района Соловьев. 11 мая 33 г.» [5, с. 195].

Почему же вымирающая деревня пыталась вырваться в город? Там от голода не умирали. Для партийного и государственного аппарата организованы были специальные столовые, эта категория граждан получала и спецпайки. В то время как на селе свирепствовал голод, для горожан было сделано послабление: с апреля 1933 г. были отменены хлебные карточки.

Насколько жизнь города отличалась от положения дел в деревне, свидетельствует следующий документ. Накануне первомайской демонстрации, 12 апреля 1933 г. на совещании при Харьковском облснаботделе девятым пунктом стоял вопрос:

«п. 9. Об обслуживании первомайской демонстрации.

Принять к сведению заявление зам. Наркомснаба Украины т. Берлика (переданное по телефону) о том, что для обслуживания демонстрации отпускается 35 тонн белой муки и 25 тонн колбасы, каковые продукты передать Горснаботделу для распределения по организациям с тем, чтобы была обеспечена выдача французских булок с колбасой демонстрантам. Выдать продукты в местах сборов на предприятиях и площадях» [6].

Голод 1932–1933 г. не был со стороны властей актом чистого изуверства. Системный кризис в сельском хозяйстве нарастал, начиная с 1927–1928 годов. Раньше или позже он все равно привел бы к катастрофическому падению урожайности. И не нам решать, могло ли руководство СССР заранее радикально исправить ситуацию. Однако, вполне очевидно, что при ином подходе к проблеме деревни, этот кризис не имел бы столь катастрофических последствий и не привел бы к столь масштабному голодному мору.

Не давая моральной оценки тому, что произошло в российской деревне в тридцатых годах XX века, нельзя не заметить некоторых параллелей с нашим недавним прошлым. В год великого перелома, как и во времена горбачевских реформ 1990-х гг., выведенная из равновесного режима экономика отреагировала не ростом производительности, а полным разрушением. Уничтоженный новой системой хозяйствования, уже сложившейся социалистический уклад, поставил под вопрос существование самого крестьянства, как такового. Сейчас это не кажется катастрофой, благодаря произошедшей за XX век революции в самом сельском хозяйстве, но лишь до той поры, пока нас не коснулся продовольственный кризис, на пороге которого оказался весь «третий мир». Нельзя не отметить, что сейчас, параллельно с цифровизацией, идет процесс деиндустриализации страны. Индикатором этого процесса уже давно выступает проблема моногородов. В советское время существовала очень большая тема: так называемые «неперспективные деревни». Появлением неперспективных деревень Россия обязана окончательной гибелью того традиционного крестьянского уклада, который еще помнили наши бабушки. Не исключено, что теперь та же участь ждет вымирающие моногорода России. А это грозит уже социальными потрясениями.

Социальных потрясений хотелось бы избежать. При этом, в последние годы методы статистической физики (и синергетики) все чаще переносятся на количественное описание динамических процессов в человеческом обществе. Такова, в частности, работа японских исследователей И. Шимада и Т. Кояма, посвященная созданию модели «критичности» в социальных системах [17]. В ней авторы сформулировали математическую модель социальных изменений, которая учитывает переход системы в критическое состояние. В последние два-три десятилетия во всех областях социальных наук существенно вырос интерес к нелинейной динамике. Под знаменем самоорганизованной критичности были исследованы такие непохожие друг на друга события как гибель цивилизации майя, распространение болезней, эволюция культуры и пр. Наиболее плодотворно ученые работают в рамках сетевой парадигмы. В процессе исследования сетей (в частности, онлайн-сообществ), была обнаружена масштабная спонтанная активность, различных сетевых характеристик, например, объем информационного трафика. Все эти подходы могут быть использованы как при анализе событий 1932–1933 гг. прошлого века, так и социальным процессам в нынешней России.

Системный кризис в сельском хозяйстве нарастал, начиная с 1927–1928 годов. Засуха 1931 г. ознаменовала беспрецедентный падеж скота, а планируемое на 1933 г. оснащение деревни тракторами запоздало на целых семь лет. Некачественная обработка земли привела к высокой засоренности и зараженности посевов, массовому размножению грызунов.

Гибель прежнего сельского уклада, миграция наиболее работоспособных здоровых молодых людей, выселение крестьян в отдаленные районы страны подорвали производственные возможности сельского хозяйства. По крестьянству был нанесен смертельный удар.

К анализу трагических событий 1932–1933 гг. применимы методы теории самоорганизованной критичности. Эти же подходы могут быть использованы и при анализе социальных процессов в наше время.

Литература

1. Алешкин П.Ф., Васильев Ю.А. Крестьянская война в России в условиях военного коммунизма и ее последствий (1918–1922 гг.). – М: Голос-Пресс, 2010. – 576 с.
2. Бертельс А. Подготовка к борьбе с сорняками // Сборник Всесоюзного института защиты растений (далее – Сборник ВИЗРа). – 1933. – Вып. 5. – С. 96.
3. Борьба с ржавчиной на Украине // Сборник ВИЗРа. – 1933. – Вып. 7. – С. 89.
4. Волков А. Шестнадцать лет героического труда и побед // Сборник ВИЗРа. – 1933. – Вып. 7. – С. 7.
5. Государственный архив Харьковской области. Ф. Р-2762. Оп.1. Д. № 421.
6. Государственный архив Харьковской области. Ф. Р-1356. Оп. 1. Д. № 1004. С. 66.
7. Грушевой С.Е. Ржавчина зерновых хлебов и меры борьбы с нею. – М.-Л.: Гос. изд. колх. и совхоз. лит-ры, 1934. – 40 с.
8. Грушевой С. Ржавчина зерновых хлебов. Проблема ликвидации и наши очередные задачи // Сборник ВИЗРа. – 1933. – Вып. 6. – С. 51–54.
9. Махутов Н.А., Пучков В.А., Фалеев М.И. Безопасность России: правовые, социально-экономические и научно-технические аспекты. Ч. 1: Научные основы безопасности и защищенности критически важных для национальной безопасности объектов. – М., МГОФ Знание, 2012. – 895 с.
10. Осколков Е.Н. Голод 1932–1933. Хлебозаготовки и голод 1932–1933 в Северо-Кавказском крае. – Ростов н/Д., 1991. – 94 с.
11. Плятер-Плохоцкий К. Мыши на Украине // Сборник ВИЗРа. – 1932. – Вып. 4. – С. 101–102.
12. Постановление ГД ФС РФ от 02.04.2008 N 262-5 ГД «О Заявлении Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации «Памяти жертв голода 30-х годов на территории СССР». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://base.garant.ru/6387232/> (дата обращения: 02.02.2020).
13. Кондрашин В.В., Тюрин Е.А. «Говорить о голоде считалось чуть ли не контрреволюцией». Документы российских архивов о голоде 1932–1933 гг. в СССР // Отечественные архивы. – 2009. – № 2. – С. 94-128. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://portal.rusarchives.ru/publication/otecharh/092.shtml> (дата обращения: 03.02.2020).
14. Резолюция Всесоюзного совещания по борьбе с сорной растительностью при ВИЗРа // Сборник ВИЗРа. – 1932. – Вып. 4. – С. 142-170.
15. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы Том 3. – Москва: РОССПЭН, 2000. – 842 с.
16. Фалькенштейн Б. Мышевидные грызуны в СССР в 1932–33 гг. // Сборник ВИЗРа. – 1933. – Вып. 7. – С. 77-82.
17. Shimada I., Koyama T. A theory for complex system's social change: an application of a general «criticality» model // Interdisciplinary Description of Complex Systems. – 2015. – Vol. 13. – № 3. – P. 342-353.

**СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ КОМПЛЕКСНОЙ ЗАЩИТЫ
НАСЕЛЕНИЯ ОТ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЙ В АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЕ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Мазур Е. Ю.

кандидат психологических наук,
заведующий кафедрой психологии
НАНО ВО «Институт мировых цивилизаций»,
(г. Москва)
Тел.: 8(968) 589-21-02
E-mail: mazur-eu@mail.ru

Матвеева И. П.

кандидат социологических наук,
доцент кафедры психологии
НАНО ВО «Институт мировых цивилизаций»,
(г. Москва)
Тел.: 8(906) 768-51-12
E-mail: matveeva.inuka@yandex.ru

Аннотация. В статье проведен анализ возможных угроз возникновения чрезвычайных ситуаций в Арктической зоне. Изложены основные факторы несущие потенциальную опасность, среди которых выделены климатические изменения, сложные условия для жизнедеятельности человека, наличие опасных производств, интенсивное освоение природных ресурсов, нестабильная геополитическая обстановка и т. д. Вместе с тем подчеркивается, что в процессе реализации важных хозяйственных и оборонных проектов лимитирующим звеном нередко становится человеческий фактор.

Ключевые слова: Арктика; угрозы; чрезвычайные ситуации; техногенная опасность; климатические изменения; военные угрозы; опасное производство; население; военнослужащие; рабочие.

Elena MAZUR

Ph.D (Psychology Sc.),
Head of the Department
of economic psychology
Institute of world civilizations, Moscow
Phone: 8(968) 589-21-02
E-mail: mazur-eu@mail.ru

Inna MATVEEVA

Ph.D (Sociology Sc.),
Teacher of the Department
of economic psychology
Institute of world civilizations, Moscow
Phone: 8(906) 768-51-12
E-mail: matveeva.inuka@yandex.ru

Abstract. The article analyzes possible threats of emergency situations in the Arctic zone. The main factors that carry a potential danger are outlined, including climate changes, difficult conditions for human life, the presence of dangerous industries, intensive development of natural resources, unstable geopolitical situation, etc. At the same time, it is emphasized that in the process of implementing important economic and defense projects, the human factor often becomes the limiting link.

Keywords: Arctic; threats; emergencies; technogenic danger; climate change; military threats; dangerous production; population; military personnel; workers.

Проблема предупреждения чрезвычайных ситуаций в Арктической зоне в настоящее время приобретает особую актуальность. Потенциальную опасность возникновения чрезвычайных ситуаций несут в себе климатические изменения, сложные условия для жизнедеятельности человека, наличие опасных производств, интенсивное освоение природных ресурсов и т. д. Вместе с тем Арктика становится полигоном не только ресурсной, но и военно-стратегической игры многих государств и международных организаций, что также создает значительные угрозы.

Целью нашего исследования является анализ проблемных факторов, влияющих на возникновение чрезвычайных ситуаций в Арктической зоне, а также разработка рекомендаций по защите населения от потенциальной опасности.

Разговор об Арктике целесообразно начать с географического аспекта, отметив, что площадь данной территории занимает 18 % от территории Российской Федерации и составляет почти пятую часть страны. При этом Арктическая зона целиком или частично включает в себя территории девяти субъектов Российской Федерации [9]. Арктическая зона России значительно отличается от других регионов нашей страны демографическими, природно-экономическими и иными условиями. Отличительными чертами Арктической зоны является удаленность от промышленных центров, низкая плотность населения, очаговый характер промышленно-хозяйственного освоения территорий, зависимость жизнеобеспечения населения от поставок продуктов и товаров первой необходимости из других регионов России. Вместе с тем природа региона уязвима от производственной деятельности человека и техногенных чрезвычайных ситуаций (ЧС).

На фоне проблем, порождаемых климатическими изменениями (а это и снижение биологического разнообразия, и деградация вечной мерзлоты, ускоряющаяся эрозия берегов и утрата территорий), ключевым фактором обеспечения жизненного пространства будущих поколений россиян в Арктике становится сохранение арктической природной среды. Арктика – один из немногих экологических резервов для глобального сообщества в наши дни. Это запасы ледниковой пресной воды, заповедные природные территории на островах Северного Ледовитого океана (СЛО). В этом уникальность Арктики как резервного экологически нетронутого жизненного пространства для большого числа населения глобального сообщества при каких-либо глобальных кризисах.

Лукин Ю.Ф. подчеркивает «уникальность обширных незаселенных районов в арктическом и субарктическом поясах с точки зрения его роли для будущих поколений и необходимость тотального контроля над экологией данного региона, ввиду того, что местный суровый климат определяет повышенную чувствительность природного баланса региона. Хозяйственная деятельность человека лишь способствует его разрушению, в связи с тем, что способность природы к самовосстановлению крайне ограничена» [4, с. 49].

К числу главных источников техногенной экологической опасности ученые относят: загрязняющие выбросы от стационарных источников в воздух и воду; производство и транспортировку нефтегазовых ресурсов; деятельность целлюлозно-бумажной, горнорудной промышленности, строительство атомных, гидроэлектростанций; возможные радиоактивные заражения.

Вопросам экологической безопасности в Арктике посвящено немало публикаций, авторы которых подчеркивают актуальность вопросов, посвященных экологическим угрозам, возникающим в результате добычи полезных ископаемых.

Промышленная зона Арктики является сосредоточением большого количества потенциально опасных и вредных предприятий и объектов, являющихся фактором чрезвычайного техногенного риска и угроз поражения населения и окружающей среды. «Насчитывается 32 предприятия, имеющих опасные производственные объекты» [3].

Вместе с тем отмечается активное стремление многих зарубежных стран к экономической долгосрочной интервенции в российскую арктическую зону, что обусловлено огромным энергоресурсным потенциалом. Энергоресурсам российской Арктики посвящена работа Чумакова Д.С. По мнению автора «углеводородные арктические ресурсы России, значительно превосходящие (как подтвержденные, так и прогнозные) арктические ресурсы других прибрежных государств Северного Ледовитого океана» [8, с. 10].

Значение Северных и Арктических регионов РФ с точки зрения их ресурсного потенциала подчеркивают и В.С. Селин и Е.П. Башмакова. Авторы отмечают: «в настоящее время на Севере России добывается около 80 % всей российской нефти и более 90 % газа, и в перспективе эти цифры будут только расти, поскольку запасы Юго-Востока Сибири и Каспия в лучшем случае смогут поддержать существующие пропорции» [7, с. 27]. Данный факт подчеркивает и А.А. Парначев, говоря, что «на северные территории приходится почти 80 % запасов всех полезных ископаемых, 60 % валютной выручки страны, 20 % ее ВВП. Геополитические интересы России на Севере фиксируются в том числе мировым значением его природных ресурсов» [6, с. 94].

Арктика располагает обширными запасами различных полезных ископаемых, в том числе уникальных. Но самый большой интерес вызывают значительные запасы энергоресурсов. Согласно опубликованным данным здесь присутствует 47,3 трлн куб. м. газа; 90 млрд баррелей нефти; 44 млрд баррелей газового конденсата.

Помимо перечисленных аспектов заметим, что военно-стратегическая обстановка в Арктической зоне Российской Федерации нестабильна и характеризуется постепенным расширением зоны военной активности приарктических государств. «Тенденция присутствия ряда государств в Арктической зоне может привести к изменению баланса сил не в пользу Российской Федерации и увеличить вероятность развязывания военных конфликтов различной интенсивности против России» [5, с. 32].

Вопреки попыткам наших геополитических соперников минимизировать влияние РФ в регионе, активный политический курс российских политических элит базируется на усиливающемся военно-политическом потенциале. Геостратегические интересы страны – ключ к решению многих социально-экономических, военно-политических и многих других задач, решение которых является приоритетом для политического руководства страны. Геополитическая и геоэкономическая стратегия – основа для обеспечения национальной безопасности, предотвращения катастроф различной природы (от экологических до социально-экономических и военно-политических) в регионах, насыщенных энергоносителями, к которым и относится Арктическая зона Российской Федерации.

Арктическое пространство РФ (АПРФ) оказывает непосредственное влияние на обеспечение безопасности не только населения России, но и страны в целом. На территории

АПРФ сосредоточены одни из важнейших предприятий оборонной промышленности. На протяжении 20 тыс. км по СЛО здесь проходит северная государственная граница РФ. Здесь же – на Кольском полуострове базируется флот, обеспечивающий стратегическое сдерживание вероятного противника.

Как сказано выше, на Арктику претендуют приарктические государства, а также некоторые другие. Только на хребет Ломоносова кроме России свои права предъявляют Канада, Дания. Поэтому насколько успешно Россия сможет реализовать свою стратегию в отношении Арктики – вопрос открытый. Другие государства постепенно наращивают военное присутствие в Арктике. И Россия не останется в стороне. Уже сейчас можно говорить о росте военного присутствия России в Арктике и ее готовности защищать свои экономические и политические интересы на севере. Для защиты своих интересов в Арктической зоне Россия планирует создать арктическую группировку войск. Под этим подразумевается усиление пограничных войск России и создание береговой охраны арктических границ России.

Другая приарктическая держава – Соединенные Штаты Америки – последнее время ведет достаточно агрессивную политику по отношению к другим арктическим государствам, постоянно подчеркивая, что США не останутся в стороне от раздела арктического региона.

Анализируя позицию, интересы и планы США по поводу Арктики, первым делом стоит отметить несколько фактов. Во-первых, США приняли, но не ратифицировали Конвенцию ООН по морскому праву 1982 года. Существуют противоречивые объяснения различных исследователей по данному поводу. Но наиболее правдоподобная версия – США не хотят ограничивать себя данным документом: им не нужно подавать никаких заявок в Комиссию ООН по внешним границам шельфа, чтобы доказывать обоснованность своих претензий на Арктику. Также они не признают все решения данной комиссии, если они вдруг присвоят к исключительной экономической зоне какие-либо шельфы какому-нибудь арктическому государству (ну или просто себе).

Во-вторых, что касается военного присутствия США, то принятая директива бывшего президента США от 9 января 2009 г. «О региональной политике в Арктике» говорит о том, что США считают свое военное присутствие неотъемлемой частью для обеспечения своих прав в Арктике.

Таким образом, можно сделать вывод, что США будут наращивать свое военное присутствие в арктическом регионе. Целью этих действий является недопущение ущемления прав США в Арктике. То есть США, не признавая Конвенцию ООН по морскому праву 1982 г., имеют как положительные, так и отрицательные последствия таких действий. По сути, они не признают никакого дележа Арктики, одновременно с этим другие страны не признают их разделения региона. В такой ситуации на данный момент позиция США заключается в том, чтобы сделать Арктику интернациональной территорией по модели, как это сделано в Антарктике. «Любое недопущение как свободного прохода судов США через Арктику, так и запрет геологической разведки США не признают. Такая позиция найдет свое отражение и в милитаризации данного региона со стороны США. Безусловно, Соединенные Штаты готовы отстаивать свои интересы и с помощью военного вмешательства. Уже сейчас начали постоянное патрулирование в Арктике атомные подлодки США» [2].

«Не остается в стороне от этой активности и НАТО, которая объявила Арктику стратегическим объектом, представляющим долгосрочный интерес для альянса в плане обеспе-

чения безопасности союзников. Об этом не только открыто говорят в штаб-квартире Организации Североатлантического договора в Брюсселе, но и предпринимают практические шаги по подготовке возможного военного вмешательства в регионе» [2].

Аналогичные США планы по усилению своего военного присутствия в Арктике имеет Канада. Однако, в отличие от интернациональной позиции США, Канада стремится получить в качестве своей исключительной экономической зоны хребет Ломоносова, доказав, что он является продолжением ее территории. К тому же Канада отстаивает статус своих территориальных вод Северо-западного прохода. Сейчас Канада уже имеет планы по вложению крупных финансовых средств в милитаризацию своей части Арктики. Не исключено, что в дальнейшем это может обострить ситуация вокруг распределения ресурсов Арктики.

Более демилитаризованные позиции в Арктике имеют Дания и Норвегия. Они не заявляют о необходимости усиления своих военных позиций в Арктике, несмотря на то, что Дания планирует присоединить к своей территории хребет Ломоносова. Однако, все исследования носят исключительно научный характер: Дания для доказательства своих притязаний использует только международно-правовые методы.

Кроме пяти активных приарктических государств выход к Арктике имеют Финляндия, Швеция, Исландия. Также рост заинтересованности отмечен и со стороны неарктических европейских государств. Открыто о своих интересах они не заявляют, однако, свое представление в регионе видят через Европейский союз.

ЕС сейчас серьезно озабочен проблемами диверсификации путей доставки энергоресурсов государствам-членам. Поэтому богатая углеводородным сырьем Арктика – лакомый кусок для Евросоюза, ресурсная база которого катастрофически бедна. Поэтому во внутренних документах, программах и выступлениях официальных представителей данного объединения все чаще звучат высказывания о необходимости урегулирования ситуации вокруг данного региона именно под лидерством Европейского союза. Затрагиваются как хозяйственные, так и военные вопросы.

Европейские государства, а также Норвегия, тем не менее поддерживают данные намерения, поскольку в одиночку европейские государства не способны освоить Арктику, к тому же противостоять в этом вопросе таким державам, как США, Россия и Канада они не способны. Евросоюз же обладает достаточным экономическим, политическим и военным потенциалом для борьбы за Арктику. Поэтому Норвегия (которая не является членом ЕС) поддержала придания статуса наблюдателя ЕС в Арктическом Совете.

Учитывая повышенный интерес ЕС к Арктике и его позицию, можно сделать только один вывод – в разделе Арктики появился новая достаточно влиятельная сила, которая имеет полные основания претендовать на свою долю в арктическом регионе (поскольку государства-члены ЕС имеют выход к данному региону). Более того, в Европейском союзе прекрасно понимают, что Россия не будет рада такому ходу событий и будет всеми путями препятствовать появлению ЕС в Арктике. Однако ЕС готов отстаивать свое мнение и биться дипломатическими, правовыми и даже военными методами за Арктику. Следовательно, дальнейший поворот событий сложно предсказать, но однозначно понятно, что в случае обострения ситуации ЕС не останется в стороне и является потенциальной стороной, которая может способствовать милитаризации Арктики.

Если причастность ЕС к Арктике еще можно понять, благодаря арктическим государствам-членам Евросоюза, то к Китаю это уже неприменимо. Тем не менее, Китай сейчас, как и США, становится все более активным игроком на рынке мировых энергоресурсов, поэтому любой регион с запасами углеводородов автоматически становится сферой его интересов. В октябре 2008 года пограничники России задержали в Баренцевом море китайское судно, специально оборудованное для исследований континентального шельфа, при этом не имеющее никаких разрешений на проведение исследовательских работ по шельфу России. Кроме того, Китай имеет свою научную лабораторию на Шпицбергене и проводил экспедиции в Северном Ледовитом океане, целью которых было изучение биологических и геологических особенностей арктического региона и его морской экологии. Так что Китай также следует рассматривать в качестве потенциальной силы, которая способна обострить обстановку в данном регионе.

В ракурсе рассмотренных выше факторов возникновения ЧС подчеркнем, что для обеспечения высокой результативности реализации важных проектов хозяйственного и оборонного характера в Арктике определяющим сегментом зачастую становится человеческий фактор. Однако, именно людской ресурс в условиях Арктической зоны зачастую становится лимитирующим звеном. Люди, живущие в Арктической зоне, а также граждане пребывающие в край из более южных широт на вахты, оказываются в среде с повышенной радиацией, электромагнитной активностью, суровым климатом, несбалансированным питанием, в условиях слабо развитой инфраструктуры и т. д. В связи с этим жители края и особенно контингент военнослужащих и рабочих испытывает постоянное не только физическое, но и психоэмоциональное напряжение.

Результаты проведенного анализа позволяют сделать вывод, что Арктический регион России находится в зоне риска возникновения чрезвычайных ситуаций. Утверждать это имеются все основания: во-первых, наличие природных и техногенных источников. «К основным природным и климатическим источникам чрезвычайных ситуаций относятся: деградация вечной мерзлоты (таяние), наводнения и половодье (весна, осень), обвалы, ледяные заборы, сильные ветры (ураганы) и гололедица, оползни, снежные бури, подвижка льдов, штормы, ландшафтные пожары (тундра, мелколесье), глобальное потепление, которое в полярных районах проявляется почти в 10 раз сильнее, чем в среднем на планете» [1, с. 19]. Кроме того, «на территории районов Крайнего Севера находится несколько тысяч потенциально опасных объектов, которые могут стать источниками техногенных чрезвычайных ситуаций. Это объекты нефте- и газодобычи, ядерной энергетики, захоронения контейнеров с отходами, производственные предприятия. Кроме этого такими источниками является и транспортная инфраструктура Арктики» [1, с. 19]. Во-вторых, психологические особенности деятельности в условиях Крайнего Севера, связанные с повышенным потоком внешних раздражителей и негативным воздействием окружающей среды; в-третьих, нестабильная геополитическая обстановка в крае.

На основании приведенного выше теоретического материала нами выделены основные блоки стратегии защиты от чрезвычайных ситуаций в Арктическом регионе.

1. Оформление внешней границы российского континентального шельфа Арктики в рамках международного права.

2. Финансирование Федеральных социальных программ и осуществление проектов по развитию региона.
3. Обеспечение экологической безопасности и охраны окружающей среды АПРФ.
4. Развитие Климатической доктрины Российской Федерации, разработка Национальной и региональных стратегий/программ/планов действий по «чистому» использованию АПРФ.
5. Совершенствование системы страхования рисков, формирование дополнительных источников финансирования, реализация крупной федеральной программы.
6. Обеспечение безопасности жизнедеятельности населения в АПРФ.

Литература

1. Арктика без опасности. Система дистанционного обучения для подготовки спасателей к действиям в условиях Арктической зоны. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://arctica.igps.ru> (дата обращения: 27.02.2020).
2. Бартош А.А. Арктический вектор сил реагирования НАТО. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.oborona.ru/283/308/index.shtml?id=3181> (дата обращения: 15.02.2020).
3. Кузичев М.В. Обеспечение безопасности населения и территорий северных районов Красноярского края // Проблемы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и создание комплексных аварийно-спасательных центров в Арктике: материалы междунар. науч.-пр. конф., Норильск, 23-25 августа 2012 г. / сост. К.А. Козлов, Т.Е. Наумова, Д.А. Михайлова. – М.: ФГБУ ВНИИ ГОЧС (ФЦ), 2012. – С. 55-61.
4. Лукин Ю.Ф. Современная ситуация в Арктике в контексте глобальных трендов // Арктика и Север. – 2014. – № 16. – С. 41-71.
5. Максимов Н.М. Военная деятельность России в Арктике // Геополитика и безопасность. – 2015. – № 2 (30). – С. 14-20.
6. Парначев А.А. Актуальность проблем стратегического развития северных территорий // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. – 2005. – № 4. – С. 94-97.
7. Селин В.С. Значение северных и арктических регионов в новых геоэкономических условиях развития России // Регион: экономика и социология. – 2010. – № 3. – С. 23-29.
8. Чумаков Д.С. Энергоресурсы Российской Арктики в мировом хозяйстве: автореф. дис. ... канд. экон. наук. – М., 2009. – 27 с.
9. Чуприян А.П. Мероприятия, проводимые МЧС России по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций в Арктике и создание комплексных аварийно-спасательных центров // Проблемы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и создание комплексных аварийно-спасательных центров в Арктике: материалы междунар. науч.-пр. конф., Норильск, 23-25 августа 2012 г. / сост. К.А. Козлов, Т.Е. Наумова, Д.А. Михайлова. – М.: ФГБУ ВНИИ ГОЧС (ФЦ), 2012. – С. 13-20.

**СНИЖЕНИЕ РИСКОВ «ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ФАКТОРА»
ЧЕРЕЗ ВНЕДРЕНИЕ РИСК-КУЛЬТУРЫ И РИСК-ОРИЕНТИРОВАННОГО
МЫШЛЕНИЯ В ОРГАНИЗАЦИЯХ**

Мун Д. В.

кандидат экономических наук,
заместитель директора
ФГБУ Агентство «Эмерком» МЧС России,
сооснователь
Международного экспертного сообщества
«www.Risk.today»
Тел.: 8(495)983-75-19
E-mail: dima.mun2013@yandex.ru

Попета В. В.

кандидат технических наук,
почетный энергетик РФ,
сооснователь и президент
Международного экспертного сообщества
«www.Risk.today»
Тел.: 8(987)765-01-03
E-mail: info@risk.today

Аннотация. В статье исследуется социально-психологический феномен рисков «человеческого фактора», проводится анализ исходных причин и предпосылок, приводящих как отдельных индивидов, так и целые организации к рискогенно-катастрофическому поведению. Авторами, на базе проведенного исторического анализа крупнейших техногенных катастроф современности, даются методологические и методические рекомендации по формированию корпоративной риск-культуры и риск-ориентированного мышления персонала, способствующие снижению рисков «человеческого фактора» и повышению эффективности реагирования на внешние угрозы и вызовы.

Ключевые слова: риски; «человеческий фактор»; техногенная катастрофа; основы безопасности жизнедеятельности; аппетит к риску; риск-менеджмент; риск-культура; риск-ориентированное мышление.

**REDUCING OF RISKS OF THE «HUMAN FACTOR»
THROUGH THE INTRODUCTION OF RISK CULTURE
AND RISK-ORIENTED THINKING IN ORGANIZATIONS**

Dmitriy MUN

Ph.D (Economics Sc.),
Deputy Director
State Agency «EMERCOM» of Russia,
cofounder
International expert community
«www.Risk.today»
Phone: 8(495)983-75-19
E-mail: dima.mun2013@yandex.ru

Vladislav POPETA

Ph.D (Engineering Sc.),
Honorary power engineer
of the Russian Federation,
cofounder and President
International expert community
«www.Risk.today»
Phone: 8(987)765-01-03
E-mail: info@risk.today

Abstract. The article explores the social-psychological phenomenon of risks of the «human factor», analyzes the initial causes and prerequisites that lead both individuals and entire organizations to risk-disastrous behavior. Based on the historical analysis of the largest man-made disasters

of our time, the authors give some methodological recommendations on the formation of a corporate risk culture and risk-oriented thinking of personnel, which contribute to reducing the risks of the «human factor» and improving the effectiveness of responding to external threats and challenges.

Keywords: risks; the «human factor»; technogenic catastrophe; fundamentals of life safety; risk appetite; risk management; risk culture; risk-oriented thinking.

В результате стремительного прогресса XX и XXI веков окружающий нас мир превратился в глобальную техносферу. В свою очередь техносфера, взяв на себя полное обеспечение комфортной жизнедеятельности современного цивилизованного человека, поставила людей, проживающих преимущественно в городах, в прямую зависимость от безаварийной работы городской инфраструктуры: крупных промышленных, химических, ядерных и прочих высокоэнергоемких объектов, а также транспортных средств.

Следует отметить, что в то время как в мире год от года неуклонно снижается количество жертв природных катаклизмов (как видно на Графике 1) при многократном росте их общего количества (что, безусловно, следует отметить как результат глобального повышения эффективности деятельности национальных служб ГО и ЧС и соответствующих международных организаций), за последние пятьдесят лет десятикратно и более возросло количество техногенных катастроф и сопутствующих им жертв.

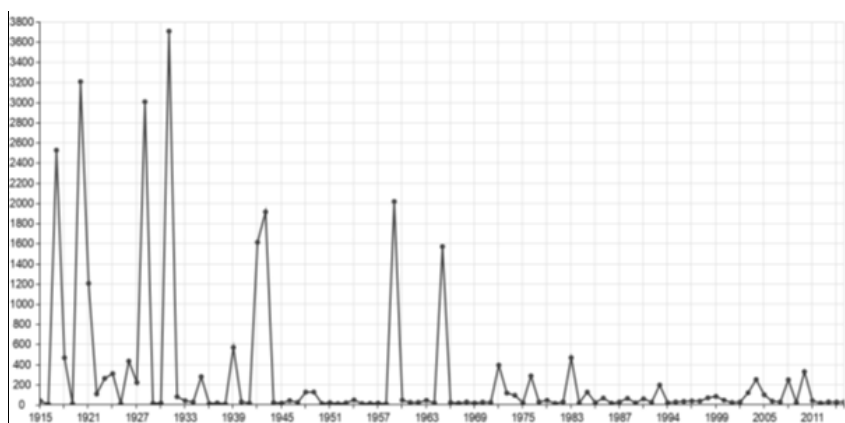

График 1 – Число погибших в результате стихийных бедствий (тыс. человек) в мире в период с 1915 по 2015 год [13]

Так, с 1960-х гг. прошлого века к первому десятилетию XXI в. эти показатели опасности возросли в 62 и в 10 раз соответственно, как указано на Рис. 1 и Рис. 2:

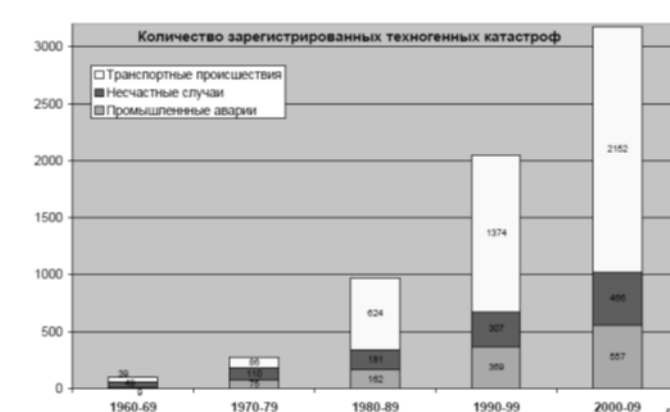

Рисунок 1 – Количество зарегистрированных техногенных катастроф 1960–2010 гг. [1]

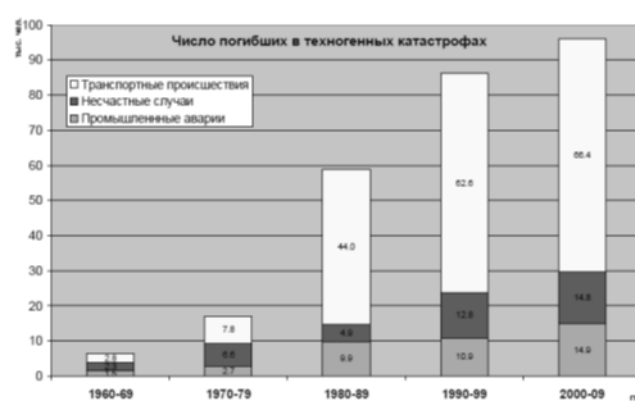

Рисунок 2 – Число погибших в техногенных катастрофах [1]

Согласно статистике ведущих мировых страховых и перестраховочных компаний более 70 % всех аварий, катастроф и иных нештатных ситуаций на предприятии/организации являются прямым следствием ошибок и/или некомпетентности персонала [2]. Поэтому на международном профессиональном страховом сленге данные катастрофы носят название hand-made (или man-made) disasters – рукотворные катастрофы.

Однако, несмотря на столь высокую рискогенность, риски «человеческого фактора» (далее – РЧФ) к настоящему времени мало изучены и практически не систематизированы. Главная причина кроется в том, что РЧФ в отличие, например, от рисков отказа оборудования, нельзя «оцифровать», просчитать и, исходя из достоверной статистики, математически смоделировать, так как это традиционно делается в страховом и перестраховочном секторе.

Социолог Чарльз Перроу, подробно изучив детали ядерной катастрофы на АЭС Three Mile Island в США, определил, что, во-первых, аварии в сложных технологических системах неизбежны и непредсказуемы, а их вероятность невозможно просчитать, так как она всегда существует в силу нелинейного сочетания элементов, а, во-вторых, количественная оценка риска просто игнорирует сложные взаимодействия между компонентами системы, которые и выступают причиной многочисленных и неизбежных системных сбоев [12].

Впрочем, сами по себе цифры никогда не приводят к катастрофам. Это, в свою очередь, тоже всего лишь абстрактные принятии и формы, которыми мы привыкли оперировать, но которых не существует в природе и Вселенной, то есть в реальном мире. А к катастрофам

в реальном мире нас приводит целый ряд социальных, культурных, образных, ассоциативных, абстрактных, психологических, антропогенных категорий, которые реально и объективно существуют, но которые пока, к сожалению, никак не удается ни вычленивать, ни рассчитывать, ни оформить в математических моделях. Именно поэтому, даже при наличии самых быстродействующих процессоров и самых мощных суперкомпьютеров, невозможно все риски заранее просчитать.

Однако вполне возможно научиться на них адекватно и эффективно реагировать. Ведь, как показывает практика, большая беда не приходит внезапно. Как правило, ей предшествуют определенные исходные события, если хотите, идентичные инциденты малого масштаба, которые могли бы стать именно теми предупреждениями, которые бы позволили благополучно избежать большинства трагических событий. Ведь именно отсутствие своевременной «работы над ошибками» и приводит к неизбежному масштабированию современных техногенных катастроф.

Изучение рисков «человеческого фактора» – это не только компетентность и квалификация персонала на местах. Свести объяснение всех «неожиданно» возникающих инцидентов к низкому уровню подготовки и профессиональной квалификации персонала – самый простой, но, к сожалению, неверный путь.

Также риски «человеческого фактора» в организациях невозможно снизить традиционным методом прямых денежных вливаний. Скорее, подобные меры производят обратный, отрицательный эффект на общую безопасность жизнедеятельности.

Сложность управления рисками «человеческого фактора» обусловлена влиянием сиюминутных эмоций и пристрастного взгляда отдельного сотрудника, непосредственного окружения и социальной среды, а также культурных особенностей региона и страны пребывания.

Сегодня ведущие мировые эксперты в области стратегического и риск-менеджмента все более настойчиво требуют переместить изучение проблемы рисков, возникающих при управлении техническими объектами, из плоскости анализа индивидуальных проблем исполнителей, их персональных психологических и квалификационных характеристик, в область анализа общих социокультурных условий, а также каналов и способов коммуникации групп индивидов, присущих укладу и сложившимся этническим традициям той или иной организации, нации и страны.

Следуя данной тенденции, авторами статьи, на базе исторического и сравнительного анализа крупнейших рукотворных катастроф современности, предлагается подход под названием «Индекс рисков человеческого фактора» [4].

В нем для простоты изложения исследование уровня выделяется три ключевых уровня рисков «человеческого фактора»:

- культурный/территориальный;
- социальный/организационный;
- психологический/индивидуальный.

Культура – это совокупность обычаев, практик, верований, убеждений и внутренних противоречий, которые регулируют и направляют ход человеческой жизни. Посредством культуры люди передают друг другу способы практического решения повседневных проблем. Культура также воспитывает наши эмоции. Индивидуальный человеческий разум не-

способен иметь дело по отдельности с каждым из огромного разнообразия быстро сменяющихся друг друга импульсов. Мы можем действовать в мире только потому, что встроены в здание человеческой культуры. Мы усваиваем этнические культуры, институциональные культуры, региональные культуры, и они совершают за нас большую часть работы нашего мышления. Например, правила вежливости и хороших манер могут казаться тривиальными, но они постоянно побуждают нас контролировать самые незначительные наши действия и поступки. Род человеческий велик тем, что группы людей способны создавать коллективные ментальные структуры, благодаря которым мысли могут передаваться от человека к человеку.

Риск-культура – методология корпоративного управления, напрямую вытекающая из «основ безопасности жизнедеятельности» (далее – ОБЖ) – учебного предмета, изучаемого в учреждениях начального, общего и среднего профессионального образования и предназначенного для воспитания общей культуры безопасности жизнедеятельности, начальной подготовки молодых людей к безопасному поведению в повседневной жизни, в опасных, в том числе чрезвычайных ситуациях природного, техногенного и биолого-социального характера, а также приобретения навыков в области гражданской обороны [4].

В отличие от ОБЖ, изучение и материалы которой регулируются нормативными и законодательными актами Российской Федерации, внедрение корпоративной риск-культуры в организациях осуществляется на основе международных и национальных систем и стандартов менеджмента качества.

Риск-культура (в ряде источников термин обозначен как риск-ориентированная культура) – ключевой элемент и неотъемлемая часть корпоративной культуры. Для обеспечения стабильного, непрерывного и долгосрочного развития организации всех видов и форм должны внедрять и непрерывно совершенствовать риск-культуру среди своих сотрудников.

Риск-ориентированная культура подразумевает существование в организации свода этических принципов, кодекса корпоративной этики или иной системы ценностей, согласно которой все сотрудники компании руководствуются принятыми в организации нормами риск-ориентированного поведения и допустимым уровнем риска во всех без исключения аспектах в своей текущей профессиональной деятельности.

В свою очередь, риск-ориентированная культура характеризуется наличием принципов риск-ориентированного мышления, формирующего риск-ориентированное поведение сотрудников на всех административных уровнях организации.

С момента публикации международного стандарта ISO 9001-2015 риск ориентированное мышление (далее – РОМ, от англ. «risk-based thinking») является неотъемлемой частью системы менеджмента качества организации. В общих чертах РОМ подразумевает реализацию организацией комплекса согласованных мероприятий и методов для управления и контроля многочисленными рисками (положительными и отрицательными), влияющими на ее способность достигать запланированных целей.

Следом за ним, в феврале 2018 г., вышла новая версия стандарта ISO 31000 [5] (справочно: семейство стандартов ISO 31000 посвящено аспектам риск-ориентированного управления организацией и было разработано Техническим комитетом (ТК) № 262 «Менеджмент риска» Международной организации по стандартизации (ИСО). Представленное второе издание стандарта отменяет и вводится взамен технически пересмотренного первого издания

(ИСО 31000:2009). Российским аналогом ISO 31000 является ГОСТ Р ИСО 31000 Менеджмент риска. Принципы и Руководство. Ожидается официальное утверждение Федеральным агентством по техническому регулированию и метрологии (ГОСТ).

В предыдущих версиях стандарта ISO риск-ориентированное мышление присутствовало в неявном виде, как общее требование организации системных работ по прогнозированию, выявлению и устранению рисков организации. Организацией данной работы занимался преимущественно руководящий состав организации: команда топ-менеджеров формировала по возможности максимально полную и всестороннюю информацию о возможных рисках и угрозах, а затем, выработав определенную концепцию управления рисками организации, доводила ее до остальных уровней корпоративной иерархии, распределяла полномочия и ответственность, обеспечивала контроль и др. То есть риск-менеджмент внедрялся сверху вниз.

Однако в сегодняшних условиях, для обеспечения устойчивости и эффективности реагирования организации на наличие новых рисков и угроз, необходимо воплощение интегративного подхода к управлению рисками, основанное на тотальном внедрении риск-культуры не только на каждом уровне управления, но и для каждого сотрудника организации, без исключения [6].

Очевидно, что управленческие решения, полученные в результате такого подхода, и последующие действия будут более эффективными за счет полной вовлеченности всех работников организации в реализацию задачи устойчивого развития, но и за счет существенного обогащения топ-менеджеров наличием постоянно обновляющейся информации о рисках и угрозах, поступающей с нижних, исполнительских уровней. То есть управление рисками, в идеале, будет осуществляться одновременно и «сверху-вниз», и «снизу-вверх».

В компаниях, у которых высокий уровень риск-культуры, социологи отмечают в первую очередь высокий уровень и потенциал трудовых ресурсов. В свою очередь, повышению потенциала трудовых ресурсов способствует организация открытого обмена мнениями (при отсутствии страха и цензуры), эффективные коммуникации, поддержка инициативности. Подобная организация труда положительно влияет на долгосрочный рост стоимости компании.

Практически установлено, что повышение риск-ориентированно культуры у персонала на местах прямо пропорционально количеству ошибок/инцидентов, происходящих по вине «человеческого фактора». Следовательно, непрерывно повышая риск-культуру, последовательно внедряя риск-ориентированное мышление и поведение у работников организации, риск-менеджеры при поддержке специалистов кадровых служб способны существенно снизить риски «с человеческим лицом».

В России главным примером успешного внедрения риск-культуры на всех уровнях корпоративного управления может служить ПАО «Сбербанк». С 2016 г. компания последовательно внедряет масштабный проект по развитию риск-культуры, сочетающий в себе коммуникационную, образовательную и организационно-методологическую составляющие. Главной целью проекта по развитию риск-культуры является «формирование у сотрудников правильного отношения к рискам при выполнении ими текущей работы, включающего (но не ограничиваясь) открытое обсуждение и реагирования на существующие и потенциальные риски, а также проявление нетерпимости к игнорированию, замалчиванию рисков и отсутствие безразличия к рискованному поведению коллег» [7].

Риск-культура в ПАО «Сбербанк» дополняет существующие формальные механизмы и является неотъемлемой частью системы интегрированного управления рисками. Отдельное внимание уделяется теме психологической безопасности – формированию состояния сотрудника и соответствующей среды, при которых он чувствует себя защищенным от негативного психологического воздействия и не боится открыто признавать свои ошибки, сообщать о проблемах, критиковать статус-кво, задавать вопросы и предлагать идеи. Результатом внедрения комплексной системы риск-культуры стало снижение невынужденных ошибок персонала, повышение прибыли, доверие отечественных и иностранных акционеров, позволившее организации «несырьевого сектора» догнать по рыночной капитализации традиционных российских лидеров: компании «Газпром», «Роснефть», «Лукойл», «Норильский никель» [8].

В настоящее время существует и непрерывно развивается несколько универсальных базовых принципов повышения риск-культуры организации:

- вовлечение в процессы и процедуры риск-менеджмента всех сотрудников организации;

- доведение до всех сотрудников компании понимания персональной ответственности за устойчивое развитие (sustainability) компании;

- проведение топ-менеджментом открытой и прозрачной информационной политики в части планирования и определения стратегических целей и задач;

- руководство компании информирует своих сотрудников о событиях, связанных с рисками, а также на открытой двусторонней основе формирует непрерывный обмен мнениями;

- диверсификация и справедливое распределение персональной ответственности за риски;

- проведение руководством организации политики открытого высказывания собственного мнения для персонала;

- сотрудники компании понимают важность избегания невынужденных/неоправданных рисков во всех сферах своей деятельности;

- внедрение системы материальной и нематериальной мотивации персонала, демонстрирующего высокий индивидуальный уровень риск-культуры.

Впрочем, как мы уже ранее утверждали, бороться с рискогенностью и аварийностью в организациях невозможно простыми «денежными вливаниями», без учета индивидуальных психологических особенностей персонала «на местах». К сожалению, сегодня многие современные модели воспитания менеджеров, управленцев и мастеров делового администрирования основаны на весьма упрощенном понимании социологической модели человеческого поведения, основанной преимущественно на материальной стимуляции. Однако международная практика корпоративного управления наглядно доказала, что проблему рисков «человеческого» фактора пока еще нигде не удалось решить простым повышением бонусов и зарплат.

Так, еще основатель современной экономики Адам Смит считал, что «человеческими существами движут в первую очередь нравственные побуждения и желания заслужить восхищение и уважение окружающих» [11].

Ученые также утверждают, что при подборе персонала следует опасаться людей, которые считают себя «высокими профессионалами» и утверждают, что у них «все под кон-

тролем». Согласно проведенным исследованиям, 90 % водителей в США думают, что обладают навыками вождения выше среднего уровня. 90 % предпринимателей уверены, что их новый бизнес окажется успешным. 94 % университетских преподавателей считают себя одаренными педагогами, а 98 % студентов, проходящих тест на сообразительность, убеждены, что обладают средними или выше среднего способностями к лидерству (согласно статистике, к предпринимательству, как и к лидерству, на самом деле имеют предрасположенность не более 3-5 % живущих ныне людей [9]).

Но, что особенно важно, в общем уровень самоуверенности индивида слабо коррелирует с уровнем его реальной компетентности. Многочисленные научные данные позволяют утверждать, что некомпетентные сотрудники проявляют больше уверенности в своих способностях, чем их более квалифицированные коллеги. При этом многие некомпетентные люди искренне отрицают свою очевидную некомпетентность. Особенно склонны к переоценке своих способностей вечно серьезные люди с плохим чувством юмора. Поэтому в первую очередь опасайтесь специалистов, говорящих, что у них все под контролем.

Вот лишь некоторые факты о «человеческом факторе», на сегодняшний день достоверно известные науке:

границы рациональности и рассудительности определяются эмоциями;

люди испытывают большие проблемы с самоконтролем и пристрастны в своих взглядах на мир;

можно заранее вычислить людей, которые предпочитают не соблюдать общественные правила;

окружение оказывает большое влияние на принятие риск-ориентированных решений;

в погоне за сиюминутным успехом люди редко принимают в расчет негативные сценарии будущего;

успех значительно снижает способность любого человека к рациональному суждению, а, следовательно, к недооценке последствий;

самоуверенность, порожденная успехом – главный эмоциональный источник аппетита к риску на всех уровнях социальной иерархии;

самые некомпетентные сотрудники демонстрируют самую большую уверенность в собственных способностях;

проблему рисков человеческого фактора нельзя решить простым повышением зарплат.

Если обобщить и проанализировать все исторические факты, которые привели к крупнейшим техногенным катастрофам в истории человечества, можно выделить трехуровневый «алгоритм» ключевых ошибок «человеческого фактора», которые на протяжении всего XX и начала XXI веков и приводят человечество к самым масштабным и глобальным техногенным катастрофам [10].

Первый уровень ошибок человеческого фактора совершается топ-менеджментом организации, эксплуатирующей объект современной техносферы. Как показывает практика, сюда относятся амбиции, погоня за сверхприбылью, а также заведомо нереализуемые бизнес-планы руководства и акционеров организации, которые закладывают системные риски объекта еще на стадии проектирования. Вслед за этим идет непреодолимое желание оптимизировать текущие расходы организации, направленные на строительство/эксплуатацию объ-

екта. Здесь, как правило, принимающие решение менеджеры экономят на мерах и средствах безопасности и персонале объекта.

Второй уровень ошибок человеческого фактора относится к сфере экспертов/специалистов, вне зависимости от того, являются ли они сотрудниками организации, независимыми экспертами, или представителями государственных надзорных органов. Именно они, будучи либо заинтересованными (купленными авторитетами), либо некомпетентными, либо просто «ленивыми», своими положительными заключениями создают у менеджмента и персонала организации, а также у общественности, чувство «ложной безопасности», которое позволяет ответственным работникам на протяжении всего времени, имеющегося в их распоряжении вплоть до момента катастрофы, закрывать глаза на угрозы и предупреждения, подходить весьма формально к мониторингу и анализу непрерывно возникающих рисков, и до поры до времени следовать проторенным устаревшим стандартам безопасности.

Третий уровень ошибок человеческого фактора возникает у персонала организации, а также в ряде случаев у представителей топ-менеджмента и надзорных органов, при непосредственном столкновении с уже случившимся инцидентом. Неготовность инфраструктуры, отсутствие подготовки персонала к оперативным кризисным действиям, неспособность адекватно реагировать и брать на себя ответственность в случае возникновения опасности, а также абсурдные попытки скрыть инцидент или хотя бы утаить его истинные масштабы, в совокупности с поступающими «сверху» неверными командами, в итоге приводят к катастрофическим последствиям.

Соответственно, главный потенциал в снижении техногенных рисков, исходящих от «человеческого фактора», видится именно в прививании риск-ориентированной культуры для всех организаций и риск-ориентированного мышления и поведения для каждого отдельно взятого сотрудника; культуры общей ответственности перед окружающими нас людьми, нравственности наших поступков, а также тренировке способности дальновидно воспринимать мир, которая позволяет игнорировать сиюминутные импульсы и держать во внимании вероятные негативные долгосрочные последствия.

Литература

1. Гражданкин А.И. Современные опасности крупных промышленных аварий // ВНИИ ГОЧС: вчера, сегодня, завтра. – Книга 3: науч. ст. / под. общ. ред. В.А. Акимова. – Москва: ФГБУ ВНИИ ГОЧС (ФЦ): ЗАО ФИД «Деловой экспресс», 2011. – 320 с.

2. АО «Делойт и Туш СНГ». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www2.deloitte.com/ru/ru/pages/about-deloitte/events/human-factors-in-rm.html> (дата обращения: 02.02.2020).

3. Мун Д.В., Попета В.В., Попета А.В., Смолков П.Е. От «Титаника» до «Фукусимы». Алгоритмы техногенных катастроф. – М.: Издательский дом «Библио-глобус», 2016 г. – 336 с. (дата обращения: 13.02.2020).

4. Гафнер В.В. Основы безопасности жизнедеятельности: понятийно-терминологический словарь. – М.: Флинта, 2016. – 280 с.

5. Сидоренко А.И. Новый ISO 31000:2018. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://risk-academy.ru/download/iso31000/> (дата обращения: 02.02.2020).

6. Верещагин В.В., Екатеринославский Ю.Ю. Интегративный риск-менеджмент компании. – Москва: Инфра-М, 2016. – 148 с.
7. Годовой отчет ПАО «Сбербанк» перед акционерами за 2018 год. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://2018.report-sberbank.ru/infographics/8> (дата обращения: 02.02.2020).
8. ТОП-100 крупнейших по капитализации компаний России – Рейтинг 2020. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rating.ru/infografika/20200131/630152195.html> (дата обращения: 02.02.2020).
9. Брукс Д. Общественное животное. – М.: АСТ, 2013. – 608 с.
10. Мун Д.В., Попета В.В., Попета А.В., Смолков П.Е. От «Титаника» до «Зимней вишни». Алгоритмы грядущих катастроф. – М.; Берлин: Издательство Directmedia, 2018. – 352 с.
11. Смит А. Теория нравственных чувств. – М.: Республика, 1997. – 350 с.
12. Charles Perrow. Normal Accident at Three Mile Island // Society. – 1981. – 18 (5). – P. 23.
13. Meira Mattos Institute, Rio de Janeiro-RJ, Brazil. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.eceme.eb.mil.br/en/instituto-meira-mattos-imm-en> (дата обращения: 02.02.2020).

УДК 327.83

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОПАГАНДА И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ИНФОРМАЦИОННУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ ОБЩЕСТВА

Старостенков Н. В.

доктор исторических наук, профессор,
советник ректора
ФГБОУ ВО «Российский государственный
социальный университет»
Тел.: 8(495) 255-67-67
E-mail: starostenkovnv@rgsu.net

Аннотация. В работе показаны роль и значение современных коммуникативных технологий в системе безопасности общества, на основе анализа значительного массива данных выявлены основные факторы, обеспечившие успешность социологической пропаганды на территории СССР, рассмотрены некоторые причины низкой эффективности деятельности политического руководства Советского Союза по противодействию влиянию западной культуры на население страны.

Ключевые слова: безопасность общества; информация; информационная безопасность; коммуникативные технологии; социологическая пропаганда; западная культура; «мягкая сила»; факторы успеха пропаганды.

SOCIOLOGICAL PROPAGANDA AND ITS IMPACT ON THE INFORMATION SECURITY OF SOCIETY

Nikolay STAROSTENKOV

D.Sc. (Historical Sc.), Professor,

Adviser to the rector

of the Russian state social University

Phone: 8(495) 255-67-67

E-mail: starostenkovnv@rgsu.net

Abstract. The paper shows the role and importance of modern communication technologies in the system safety society, based on analysis of a large dataset revealed the main factors contributing to the success of sociological propaganda in the Soviet Union, discusses some of the reasons for the low performance of the political leadership of the Soviet Union to counter the influence of Western culture on the population of the country.

Keywords: social security; information; information safety; communication technologies; sociological propaganda; Western culture; «soft power», factors the success of propaganda.

Современное общество вступает в информационную фазу своего развития. Однако величайшие технические достижения, лежащие в основе этого процесса, не только не способствовали решению проблем, возникших в ходе предыдущих этапов развития человечества (ожесточенная борьба за ресурсы, вооруженные конфликты, чрезмерная нагрузка на экологию, социальное неравенство, бедность и сопутствующие ей преступность, наркомания, социальные болезни и пр.), но и породили качественно новые и не менее сложные проблемы.

Одной из таких проблем является проблема информационной безопасности, обусловленная всевозрастающей ролью информации в жизни человеческого общества.

В «Доктрине информационной безопасности Российской Федерации» отмечается: «Расширение областей применения информационных технологий (...) порождает новые информационные угрозы. (...). Расширяются масштабы использования специальными службами отдельных государств средств оказания информационно-психологического воздействия, направленного на дестабилизацию внутривнутриполитической и социальной ситуации в различных регионах мира и приводящего к подрыву суверенитета и нарушению территориальной целостности других государств. (...) при этом широко используются возможности информационных технологий» [4].

Из всего многообразия информационных технологий хотелось сегодня остановиться на коммуникативной технологии, получившей название «социологическая пропаганда». Она уже причинила немалый ущерб нашему народу и, если не принять необходимых мер, способна принести ущерб еще более значительный.

Термин «социологическая пропаганда» ввел в научный оборот известный французский философ и социолог Жак Эллюль, который в своей работе «Пропаганда» [12] сделал попытку подойти к изучению этой коммуникативной технологии, используя как психологический, так и социологический подходы.

Обращение Эллиуля к данной проблематике не было случайным. С XX веком, с масштабными социально-политическими событиями, происходившими в этом столетии, с небывалым ростом возможностей средств массовой информации, обусловленным, в том числе, мощным развитием радио- и телевидения, был связан подлинный расцвет коммуникативных технологий и, прежде всего, пропаганды.

В упомянутом труде Эллиуль делает попытку классифицировать различные виды пропаганды. Его классификация включает несколько парных противоположных друг другу категорий пропаганды. Среди них фигурирует и такая категория, как «социологическая пропаганда».

По мнению автора, этот вид пропаганды имеет качественные отличия от политической пропаганды. Она менее заметна и, в то же время, позволяет своим влиянием охватить значительно большую аудиторию.

Социологическая пропаганда способна достигать значительных результатов там, где политическая пропаганда встречает серьезное сопротивление и, прежде всего потому, что ориентирована не на формирование у объектов воздействия определенного мнения или поведения, а на трансляцию притягательного «образа жизни» и образцов «передовой» культуры. Именно поэтому теми, на кого нацелена социологическая пропаганда, она не воспринимается как таковая.

По мнению некоторых специалистов: «Выделение социологической пропаганды в отдельную категорию – признак того, что пропаганда стала сложной, часто она гораздо сложнее, чем о ней принято думать. Она научилась маскироваться, обходить сопротивление, мимикрировать под те социальные форматы, которые меньше всего можно заподозрить в пропагандистских интенциях» [1, с. 120].

Как уже отмечалось, французский философ много внимания уделял исследованию коренных отличий, существующих между социологической и политической пропагандой. В частности, он отмечал отсутствие у социологической пропаганды очевидного субъекта и очевидных политических целей, тогда, как у политической пропаганды их наличие бесспорно.

И, наконец, политическая пропаганда – это всегда преднамеренная попытка воздействия на массы, тогда как социологическая пропаганда «появляется спонтанно, она не является результатом преднамеренного пропагандистского действия» [1, с. 113].

В то же время роль социологической пропаганды – вспомогательная. Эллиуль называет ее субпропагандой, медиумом, «подготовившим почву для прямой пропаганды», или «подготовленной сценой», на которую в случае кризисных ситуаций пропагандисты выводят прямую пропаганду» [1, с. 117].

К основным средствам «социологической пропаганды» Ж. Эллиуль относил средства массовой информации, кино, рекламу, образование и технологии. Он был убежден, что именно кино способствовало формированию, в глазах жителей разных стран, привлекательности американского образа жизни и уверенности в превосходстве государственных и общественных институтов США.

Таким образом, если подвести некоторые итоги, то следует отметить, что главными достоинствами социальной пропаганды, по сравнению с другими видами коммуникативных

технологий, являются ее способность действовать на объект воздействия скрытно и незаметно для него.

Видимое отсутствие субъекта и неочевидность наличия социально-политического заказа делают ее воздействие незаметным. Поэтому, если она и вызывает какую-либо реакцию, то абсолютно толерантную, не создающую препятствий на ее пути, в отличие от, например, политической пропаганды, которой, зачастую приходится преодолевать серьезное сопротивление объектов пропаганды.

В то же время, по мнению некоторых специалистов, «социологическая пропаганда создает болевые точки (hot buttons), а пропагандистам затем остается только нажимать на них» [1, с. 117]. Что и произошло впоследствии с СССР.

Каковы же были особенности социальной пропаганды, во многом способствовавшей распаду СССР?

Прежде всего, на наш взгляд, следует обратить внимание на некоторые особенности происходивших процессов, которые не всегда удостоивались должного внимания исследователей.

Начнем с того, что серьезное политическое, экономическое и культурное влияние Западной цивилизации («Запада») на Россию имеет многовековую историю и, разумеется, не сводится только к советскому периоду.

Однако в 50–60-е гг. XX в. характер влияния «Запада» на советское общество претерпевает качественные изменения. Бурное развитие средств массовой информации, с одной стороны, и эффективно действующая в СССР система всеобщего многоуровневого образования, способствовавшая существенному росту общеобразовательного и культурного уровня советских людей – с другой, создали условия, при которых освоение культурных ценностей «Запада» осуществлялось уже не только элитой, но и достаточно широкими слоями населения [4]. Разумеется, технологическую базу этого процесса обеспечило развитие таких средств коммуникации как радиовещание, телевидение, кино, а начиная с 60-х гг. – и повсеместное распространение бытовых магнитофонов.

Важную, возможно даже определяющую роль в успехе социологической пропаганды, по нашему мнению, сыграли демографические и социально-политические процессы, происходившие в СССР в те годы.

Несомненно, что советское общество по своей демографической структуре в послевоенные годы было обществом «молодым». Однако, относительная молодость населения не была вызвана, как полагают некоторые специалисты [10], «бэби-бумом», запретом аборт и массовой гибелью пожилых людей, обусловленной тяготами и лишениями военных лет.

«Бэби-бума» (то есть всплеска «компенсационной» рождаемости – явления, которое обычно наблюдается по окончании войн) не только не было, но и рождаемость оказалась ниже предвоенной. Так, если общий коэффициент рождаемости (число родившихся живыми на 1000 жителей в среднем за год) в 1939 г. составлял 40,0, то в 1949 г. – только 29,6. Далее он начинает неуклонно снижаться (за исключением 1949 г., когда достигал 31,0) и к 1960 г. становится равным 24,9 [8].

Поэтому, несмотря на резкое снижение смертности, обусловленное массовым внедрением передовых для своего времени достижений медицины и эффективной борьбой с ин-

фекционными болезнями, снижаются и темпы изменения численности населения: с 1,75 % в 1939 г., до 1,7 % в 1950 г., 1,6 % в 1959 г. и 0,7 % в 1979 году [2].

В то же время, население СССР в 50–60-х гг. все еще оставалось «молодым». Молодежь (люди в возрасте до 30 лет) составляли 55,5 % населения страны, тогда как численность представителей старшего поколения (60 и более лет) не превышала 8,9 % [8].

Молодежь – это особая социально-демографическая группа населения, стремящаяся к преобразованию мира, утверждению своей системы ценностей и не готовая безоговорочно подчиняться сложившимся в обществе традициям, обычаям и нормам [7].

Еще одной важной особенностью послевоенного периода в СССР был продолжающийся процесс урбанизации, оказывающий серьезнейшее воздействие не только на социальную структуру общества, но и на его психологию, культуру, образ жизни.

По мнению исследователей, городской образ жизни способствует формированию у человека психологической мобильности, стремления к постоянному обновлению социальной информации, готовности к смене пространственной локализации и социальной среды, потребности к интенсификации контактов в различных сферах жизни и деятельности [11].

Таким образом, советское общество в 50–60-х гг. XX в., в силу социально-демографических причин, несло в себе большой запаса созидательной энергии, которая бурлила и искала для своего выхода достойные точки приложения.

Реформаторскую энергию общества в первый послевоенный период удавалось направить в созидательное русло: на восстановление народного хозяйства, на освоение целинных и залежных земель, на ориентированную на построение коммунистического общества модернизацию и пр.

Однако решения XX съезда КПСС, разоблачение культа личности И.В. Сталина, хрущевская «оттепель», события в ГДР 1953 г., в Венгрии 1956 г. и, наконец, в Чехословакии 1968 г. способствовали процессам переосмысления отечественной истории, переоценке достижений советского народа, повышению интереса к западной культуре.

При этом процесс восприятия обществом достижений западной цивилизации носил сложный и неоднозначный характер. Прежде всего, советское общество нельзя представить в качестве реципиента, некритически воспринимающего любую информацию. На процесс восприятия западной культуры серьезное воздействие оказывали как советская пропаганда, так и формируемый, в том числе и под ее воздействием, образ «Запада». Этот образ, в условиях дефицита достоверной информации, часто строился на основе случайных и разрозненных фактов, слухов, домыслов, но, как правило, имел комплементарный характер.

Первоначально источниками материальных свидетельств «технологического и культурного превосходства Запада» были изделия промышленности США, поставляемые по ленд-лизу, а также вещи, привезенные из освобожденных стран Европы советскими воинами и их рассказы об уровне жизни и быта местного населения.

Затем источником информации, а также бытовой и оргтехники, предметов личного пользования, модной одежды и пр. становятся советские туристы и лица, посещавшие зарубежные страны по долгу службы (дипломаты, работники торгпредств, моряки заграничных плаваний и др.).

Важную роль в знакомстве советских граждан с зарубежной культурой сыграл Всемирный фестиваль молодежи и студентов 1957 г. в Москве.

Ну и конечно, большой объем информации давали зарубежные фильмы, книги, музыка.

Учитывая социально-демографические особенности советского общества тех лет и большие возможности, которые предоставлялись благодаря развитой системе зарубежного радиовещания, одной из важнейших статей «западного культурного экспорта» стала молодежная музыка и, в частности, джаз и рок-н-рол.

По признанию музыканта Анатолия Васильева, в молодые годы он, вместе со своим друзьями, записывал музыку, транслировавшуюся западными радиостанциями, и проигрывал ее записи на танцевальных вечерах [9, с. 117].

Джаз и некоторые другие музыкальные направления, даже у себя на родине обладавшие огромным протестным потенциалом, стали основой молодежной субкультуры, которая в процессе борьбы с официальной культурой самовоспроизводилась, закалялась и укреплялась.

Этому вряд ли стоит особенно удивляться. «Рок, – как еще в начале 60-х гг. констатировал журнал «Роллинг Стоун», – это больше, чем просто музыка, это энергетический центр новой культуры и молодежной революции» [9, с. 112]. Видимо, эта оценка во многом справедлива даже сегодня.

Одним из проявлений молодежной субкультуры в те годы стало такое явление, как стилиаги. По мнению специалистов, оно имело международный характер и представляло собой реакцию молодых людей на «невыносимое», с их точки зрения, существование молодежи в тогдашнем обществе. Но для Советского Союза это явление оказалось наиболее опасным, так как было не только демонстративным вызовом официально провозглашавшимся моральным принципам, но и свидетельством «поражения литературоцентричности, вербальности, риторичности официальной культуры» [10]. Причем поражением не от собственно западной культуры, а от культуры «воображаемого Запада».

Более того, важным успехом социологической пропаганды становится, отмеченное рядом специалистов, «разочарование интеллигенции в советской культуре, ее самоидентификация с мировой, (...) постепенный переход в западную культуру всего советского образованного сословия» [10].

Во многом этому способствовала смена стандартов образа жизни интеллигенции. Если в предвоенный период идеалом интеллигентного человека был образ жизни и быта, характерный для образованного сословия Российской Империи, то во второй трети XX в. советская интеллигенция (в силу ряда причин, среди которых не последнее место занимает социологическая пропаганда) начинает тяготеть к стандартам потребления и образу жизни среднего класса на «Западе» [3].

Советское руководство, опираясь на разветвленную сеть партийных, комсомольских и профсоюзных организаций, казалось, располагало огромными возможностями по контролю за советскими людьми и по управлению их поведением. Более того, в ходе идеологической борьбы с «буржуазным» влиянием, оно вполне отдавало себе отчет в опасности восприятия населением Страны Советов западного образа жизни и элементов западной культуры. Об этом с определенной уверенностью можно судить по публикациям в советских СМИ значительного количества материалов, которые можно объединить под единым лозунгом: «Сегодня ты танцуешь джаз, а завтра Родину продашь». Или разработке концепции «Советского

вкуса», в рамках которой утверждалось, что «Воспитание вкуса – одна из важных форм борьбы за становление советской социалистической культуры, за культурный рост всех советских людей» [3].

Однако, борьба за «вкус советской молодежи» в 50–60-х гг., в конечном итоге, свелась к кампании против наиболее заметных представителей молодежной субкультуры – стиляг, которые объявляются «вне морали» и «вытесняются с улиц» [3].

Большую роль в борьбе с «тлетворным влиянием Запада» могла сыграть советская пропаганда. Однако, по мнению специалистов, благодаря своей одиозности она, зачастую «(...) вызывала злость и раздражение. Но было и неосознанное или полу-осознанное восприятие пропагандистских постулатов. Что-то из того, (...) откладывалось, если оно звучало убедительно, (...) принималось как данность и приводило, например, к отторжению модернизма и абстрактного искусства» [5].

В этих условиях советское руководство широко использовало контрольно-запретительные меры. Так, например, практически за каждым иностранцем велось наружное наблюдение. Если сил и средств компетентных органов не хватало, то прибегали к помощи общественников [6]. Каждый, кто имел контакт (даже случайный) с иностранцем, должен был об этом сообщить соответствующим инстанциям. Постоянно ужесточался порядок оформления заграничных командировок. Предельно сокращен был список адресатов, имевших право получать зарубежную прессу и научную литературу.

Это привело к тому, что советские ученые не имели возможности знакомиться с результатами работы своих зарубежных коллег, от чего, в конечном счете, пострадали не только наука, но и обороноспособность страны [6].

Таким образом, советскому руководству, несмотря на имевшиеся в его распоряжении колоссальные ресурсы, не удалось ни поставить надежный заслон на пути проникновения в советское общество западной потребительской культуры, ни хотя бы снизить эффективность социологической пропаганды образа жизни и культурных ценностей «Запада».

Основными причинами сложившейся ситуации были:

отсутствие у лиц организующих советскую пропаганду понимания логики и закономерностей происходивших социальных процессов;

раздражающе-очевидное несоответствие пропагандистских клише реальной жизни обычного человека;

разочарование значительной части советских граждан в плодах советской послевоенной модернизации, вызванное ограниченными возможностями СССР по подъему жизненного уровня населения;

идеологическая исчерпанность старых и отсутствие новых значимых и социально-притягательных идей;

неоправданно широкое использование административных практик, подмена назревших идеологических дискуссий запретами.

Таким образом, главным успехом социологической пропаганды явилось создание тех самых пресловутых «болевых точек» и подготовка условий, необходимых для успеха пропаганды политической, что, в конечном итоге, и явилось немаловажным фактором, способствовавшим распаду СССР.

Но уместно ли об этом говорить сегодня, когда нас и те трагические события разделяют почти три десятилетия?

Не только уместно, но и крайне необходимо, ибо в современной России складываются условия, способствующие успеху социологической пропаганды.

Действительно, несмотря на крах, постигший родившуюся в массовом сознании советских граждан картину идеализированного «Запада», западный образ жизни, как «идеал к которому стоит стремиться», не только не исчез, а еще более укоренился. За последние десятилетия процесс вестернизации российского общества лишь набирал силу. Чтобы убедиться в этом, достаточно посетить наши кинотеатры, магазины, закусочные, посмотреть телепрограммы, познакомиться с продукцией книжного рынка.

Сложившееся положение не могло не принести определенные плоды: политические и социальные процессы, происходящие в американском обществе, зачастую, привлекают не меньше, а порой и больше внимания россиян, чем события, происходящие у нас в стране.

Проведенные ВЦИОМ исследования показали, что выборы президента США в 2016 г. привлекли внимание 69 % россиян, тогда как явка на выборах в Государственную Думу (по величине которой можно косвенно судить о том интересе, который эти выборы вызывали) составила лишь 47,9 % [1].

Это, на наш взгляд, является одним из свидетельств того, что в Российской Федерации начинают складываться условия, в определенной мере соответствующие тем, при которых социологическая пропаганда или результаты воздействия коммуникативной технологии, с легкой руки американского политолога Джозефа Найя называемой «мягкой силой», могут оказаться успешными.

Сделать надлежащие выводы из истории СССР, не повторить ошибок его руководства – одна из тех важнейших задач, которые предстоит всем нам решать в начале третьего десятилетия XXI века.

Литература

1. Белоусов А.Б. Что такое социологическая пропаганда? // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. – 2018. – № 3. – С. 110-122.

2. Блюм А., Захаров С.В. Демографическая история СССР и России в зеркале поколений // Население и общество (информационный бюллетень Центра демографии и экологии человека Института народнохозяйственного прогнозирования РАН). Февраль 1997. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.infran.ru/vovenko/60years_ww2/demogr1.htm (дата обращения: 12.03.2020).

3. Гурова О. Идеология потребления в советском обществе // Социологический журнал. – 2005. – № 4. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://openuni.io/course/9-course-7-2/lesson/1/material/787/> (дата обращения: 16.01.2020).

4. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации (Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. № 646). Ст. 10, ст. 12. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rg.ru/2016/12/06/doktrina-infobezobasnost-site-dok.html> (дата обращения: 20.02.2020).

5. Кан А. «Увидеть Париж и умереть»: советская жизнь западной культуры. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.bbc.com/russian/features-48425915> (дата обращения: 07.01.2020).
6. Млечин Л. «В руках этих типов – проникновение к нам свободной мысли» // Новая газета. – № 100 (9.09.2019 г.). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://novayagazeta.ru/articles/2019/09/04/81836-v-rukah-etih-tipov-proniknovenie-k-nam-svobodnoy-mysli> (дата обращения: 20.09.2019).
7. Молодежь и молодежная политика. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.grandars.ru/college/sociologiya/molodezh.html> (дата обращения: 15.03.2020).
8. Переведенцев В.И. Послевоенная динамика населения СССР и России. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://scbist.com/blogs/admin/504-poslevoennaya-dinamika-naseleniya-sssr-i-rossii-v-i-perevedencev.html> (дата обращения: 15.03.2020).
9. Празднова О.С. Специфика проникновения рок-культуры в СССР // Ценности и смыслы. – 2017. – № 3 (49). – С.111–119.
10. Сальников В. Культурные войны в СССР: 60-е – борьба идей, вкусов, поведенческих моделей // Искусство кино. – 2004. – № 5 (май). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://old.kinoart.ru/archive/2004/05/n5-article19> (дата обращения: 08.01.2020).
11. Электронная библиотека ИФ РАН «Новая философская энциклопедия». Статья «Урбанизация». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH9156b6634717ec3f784291> (дата обращения: 10.03.2020).
12. Ellul J. Propaganda. The Formation of Men's Attitude. – N.Y.: Vintage Book, 1973. – 243 p.

УДК 001.92

СОСТОЯНИЕ НАУКИ КАК ФАКТОР ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Фомов С. В.

научный сотрудник Военной академии
Ракетных войск стратегического назначения
имени Петра Великого (г. Балашиха)
Тел.: 8(926) 477-49-92
E-mail: fomov1967@mail.ru

Аннотация. В современной войне важное значение отводится информационной безопасности. Особо важность данного фактора проявляется в т.н. нетрадиционных, гибридных войнах. Повысить порог нечувствительности к применению противником «информационного оружия» возможно посредством повышения интеллектуального уровня, который, в свою очередь, зависит от степени развитости науки и возможности науки влиять на формирование мировоззрения современного человека. Для этого наука должна пользоваться высоким авторитетом в обществе, что достигается неукоснительным соблюдением представителями научного сообщества нравственных императивов.

Ключевые слова: война; деинтеллектуализация; информационная безопасность; мифологизация; наука; научное сообщество; научные императивы; угроза.

STATE OF SCIENCE AS A FACTOR OF PUBLIC SAFETY

Sergey FOMOV

Research Center of the Military Academy
of Strategic Missile Forces named after
Peter the Great, Senior Researcher
(Balashikha)
Phone: 8(926) 477-49-92
E-mail: fomov1967@mail.ru

Abstract. In modern warfare, information security is important. The particular importance of this factor is manifested in the so-called. unconventional, hybrid wars. Raising the threshold of insensitivity to the use of «information weapons» by the adversary is possible by increasing the intellectual level, which, in turn, depends on the degree of development of science and the ability of science to influence the formation of the worldview of modern man. For this, science must enjoy high prestige in society, which is achieved by strict observance by representatives of the scientific community of moral imperatives.

Keywords: war; de-intellectualization; information security; mythologization; science; scientific community; scientific imperatives; threat.

Опыт современных войн и военных конфликтов свидетельствует о том, что средствами физического насилия войны, как правило, заканчиваются; непосредственное вторжение войск если и происходит, то только после достижения тотального превосходства в информационной сфере, когда жертва агрессии побеждена на экзистенциальном уровне, духовно опустошена и лишена мотивации к активному сопротивлению.

Поражение СССР в «холодной войне» – результат капитуляции на идеологическом фронте. Деградирующая правящая верхушка, не умея и не желая адекватно реагировать на цивилизационные вызовы, в немалой степени несет ответственность за то, что вначале Советский Союз погрузился в безвременье застоя, а затем и вовсе прекратил свое существование. Развал страны происходил при отсутствии какого-либо активного противодействия со стороны значительной часть населения. Кроме того, наиболее креативная ее часть – интеллигенция, поддавшись увещаниям западной пропагандистской машины, всячески приветствовала такое развитие событий. И даже не столько потому, что государственное устройство буржуазного общества столь уж и привлекательно, сколько за неимением другой осязаемой альтернативы серой будничности.

В результате страна пустилась во все тяжкие по пути строительства «светлого» теперь уже капиталистического будущего со всеми вытекающими отсюда последствиями: девальвацией нравственных устоев, тотальным обнищанием населения, полной зависимостью от мировых финансовых структур и т. д. Одним из условий вхождения России в «свободный западный мир» явился отказ от обладания собственной идеологией. Выполнение данного тре-

бования обернулось для страны тем, что она на долгие годы лишила себя права осуществлять независимую как внешнюю, так и внутреннюю политику.

С приходом во власть национально ориентированных государственных деятелей ситуация постепенно начала выправляться. Тем не менее опасность потери суверенитета по-прежнему не может считаться полностью снятой с повестки дня. Одна из причин, почему данная проблема остается актуальной и сейчас, видится во все еще непреодоленной деинтеллектуализации населения страны, что, в свою очередь, обусловлено недостаточным уровнем компетенции отдельных представителей научного сообщества.

Наличие отмеченного негативного обстоятельства объясняется не столько внешними факторами, сколько связано с внутренними проблемами, накопившимися в науке и, в первую очередь, – недостаточной решимостью некоторых ученых проявлять принципиальность в вопросе очистки своих рядов от случайно затесавшихся в нее людей, т.е. от тех, кто заполучил ученые степени и звания благодаря протекции или служебному положению, кто проник в научное сообщество руководствуясь исключительно корыстными, конъюнктурными соображениями.

С точки зрения специалистов по истории и философии науки, нынешний этап цивилизационного развития человечества носит техногенный характер [5]. В современном мире успешными могут считаться только те страны, которые обладают мощным научно-экономическим потенциалом. Прогресс общества и государства без научных инноваций невозможен. Понятия прогресса и научности неразрывно связаны и воспринимаются как синонимичные понятия. Это не случайно, именно наука, ее уровень и степень проникновения в культуру, определяет конкурентоспособность государства на внешней арене, формирует вектор развития страны, является детектором зрелости общества. Наука выполняет не только производительную функцию, она уже давно заняла главенствующие позиции в проведении просветительской деятельности и, таким образом, оказывает непосредственное влияние на формирование мировоззрения людей. Восприятие окружающей действительности на основе научной рациональности считается наиболее адекватным способом познания объективной реальности.

Отмеченные выше обстоятельства указывают на важность и необходимость понимания того, что же такое наука, какова ее сущность и в чем заключается специфика знаний, формируемых на ее основе. Казалось бы, говорить об этом среди людей, профессионально занимающихся этим видом деятельности излишне, однако, как показывает опыт, данный вопрос отнюдь не праздный. Если взять некоторые периодические издания, включенные, кстати, в перечень ВАК, например, такие как «Военная мысль», «Вестник академии военных наук» и ряд других, то обнаруживается масса подтверждений высказанной озабоченности. На страницах отмеченной периодики можно встретить статьи, где некоторые дипломированные ученые, ничтоже сумняшеся, на полном серьезе рассуждают о необходимости включения футурологии – одной из разновидностей ненаучной деятельности – в сферу интересов военной науки [7], другие пытаются разрабатывать меры по противодействию «когнитивному оружию» [6], третьи призывают к принятию незамедлительных мер по защите от инопланетного вторжения [4] и т. д.

Незнание специфики науки, непонимание того, чем научные знания отличаются от знаний, получаемых, скажем, в сфере искусства, философии, религии, эзотерики и т. д., по-

рождает массу мифов. К наиболее распространенным из них можно отнести следующие заблуждения:

философия – одна из отраслей науки;

философия – сверхнаука, наука всех наук, царица наук;

научным законам свойственен принцип субординации;

научные теории – истинны;

достоверные знания обязательно являются только научными;

научные знания обладают абсолютной истиной;

деление научных знаний на правильные (пролетарские) и неправильные (буржуазные) или экзотерические (для масс) и эзотерические (для избранных) и т. п.;

наличие в науке некоей особой научной методологии;

наука и религия – антиподы и т. д.

Мифологизация науки неизбежно влечет за собой вульгаризацию научных знаний, которая приводит к тому, что критерии научности нивелируются, границы между наукой и псевдонаукой размываются, становятся неочевидными.

Следствием бытующих заблуждений в отношении научных знаний является нездоровая тенденция, когда небрежно оброненная одним автором нелепая фраза, не купируется, не изымается из обращения, а, наоборот, бездумно заимствуется и тиражируется другими. Наблюдается ситуация, когда некоторые алогизмы не просто не зачисляются в разряд девiantных, а, наоборот, охотно повторяются и затем, получив широкое распространение, переводятся в разряд нормы. Имеют место случаи, когда абсурдные, с точки зрения формальной логики, утверждения некоторые авторы пытаются выдавать за якобы наличествующую в их работах особую «научную» глубину. Подтверждений тому множество, вот только некоторые наиболее типичные примеры:

1) Определение актуальности научной работы через будто бы имеющееся противоречие между необходимостью иметь какой-либо конкретный результат» и «отсутствием возможностей его получить.

(Понятия «необходимость» и «возможность» не находятся между собой ни в контрадикторных, ни контрарных отношениях, поэтому говорить о каком-либо противоречии между ними не представляется возможным).

2) Употребление оксюморонов – словосочетаний из взаимоисключающих понятий. Например, в некоторых считающиеся научными публикациях можно встретить следующее выражение: «В настоящее время назрела объективная необходимость заняться разработкой (...)».

(«Объективность» и «необходимость» находятся между собой в отношениях контрарности, т.е. несут противоположную смысловую нагрузку. Действительно, предикат «объективность» применяется по отношению к явлениям и процессам, происходящим независимо от того, знает о них человек или нет. Предикат «необходимость» наоборот, в обязательном порядке предполагает наличие мотивационных аспектов и поэтому является субъективной характеристикой).

3) Практика формулировать дефиниции, которые ничего не определяют, т.е. не снимают информационной неопределенности.

(«Информация – это фундаментальный генерализационно-единый безначально-бесконечный законопроцесс автоосцилляционного, резонансно-сотового, частотно-квантового и волнового отношения, взаимодействия, взаимопревращения и взаимосохранения (в пространстве и времени) энергии, движения, массы и антимассы на основе материализации и дематериализации в микро- и макроструктурах Вселенной» [8]. «Вооруженная борьба – это единство и противодействие изменяющихся во времени конструктивных и деструктивных процессов в каждом из ее субъектов» [2, с. 16]).

4) Традиция (негласное правило) определять в диссертационных работах соотношения между предметом и объектом исследования как между частью и целым.

(Что объект, что предмет исследования – суть предметы объективной реальности. С точки зрения классической научной рациональности они равноценны и каждый из них является самодостаточной сущностью. Атом такой же самодостаточный объект познания, что и Вселенная.).

5) Придание без должного на то основания различным мнениям и предубеждениям статуса «научных законов», страсть к «научному» законотворчеству. Особенно этим грешат гуманитарные науки:

закон единства централизации и децентрализации власти и управления (т.н. законы управления);

закон зависимости развития и эффективности функционирования системы от степени ее открытости (т.н. системные законы);

закон соответствия целей боевых действий имеющимся силам и средствам (боевым возможностям войск) (т.н. законы войны) и т. д. и т. п.).

б) Иногда можно услышать озабоченность, что теория, дескать, отстает от практики.

(Теория может либо адекватно описывать явления и процессы объективной реальности, либо нет. Попытки характеризовать теорию как опережающую практику или отстающую от последней лишены смысла).

7) Гипостазирование – т.е. овеществление (материализация) абстрактных понятий.

(Наиболее известный пример – улыбка Чеширского кота. Аналогами ему в научной сфере могут служить такие абстрактные понятия как: безопасность, война, власть, информация, память, и т. д.).

8) Синдром Журдена (герой пьесы Мольера «Мещанин во дворянстве»), когда соблюдение само собой очевидных и необходимых условий преподносится как особая заслуга.

(Имеют место случаи, когда в диссертационных работах авторы акцентируют внимание на том, что в своих исследованиях они использовали системный подход и рациональные методы, как будто бы научная деятельность возможна вне системности и рациональности.).

Et cetera, et cetera, et cetera...

Сложившееся положение дел никак нельзя назвать нормальным, поскольку оно приводит к снижению авторитета науки как среди рядовых граждан, так и тех, кто наделен властными полномочиями. Если не бороться с алогизмами, своевременно их не выявлять и не искоренять, они все в большей и большей степени будут превращать науку в ее противоположность – псевдонауку. Псевдонаука по внешним признакам копирует науку, вот только

ее предсказания, как в анекдоте, сбываются с вероятностью 0,5. («Какая вероятность, выйдя на улицу встретить динозавра? Ответ – 0,5: либо встретить, либо нет»). Несложно догадаться, что практическая ценность подобной «инсайдерской» информации нулевая. Естественно, что любой трезво мыслящий человек, при необходимости, скорее обратится за помощью к астрологу или экстрасенсу, нежели пожелает прислушаться к советам такого «ученого».

Описанная ситуация чревата множеством негативных моментов. С одной стороны, ведет не только к вульгаризации науки, но и маргинализации тех, кто стремится мыслить рассудительно, непредвзято и объективно. С другой, формирует интеллектуальную среду, в которой для рядового обывателя более предпочтительными выглядят аргументы беспринципных, надменных и корыстолюбивых личностей, откровенно занимающихся дешевым популизмом. К чему это может привести, наглядно демонстрирует пример Украины. Чего только стоят, приглашаемые на различные отечественные ток-шоу эксперты из «Незалежной», находящиеся у себя на родине, что называется в мейнстриме. Их рассуждения и доводы – яркий образец торжества резонерства над здравым смыслом. Организаторы «майdanов», технологи «цветных революций» и государственных переворотов всегда будут находить благодатную почву для реализации своих разрушительных планов, пока существуют нравственно незрелые интеллектуальные иждивенцы, т.е. толпа, которая, по определению Г.В. Белинского, «(...) есть собрание людей, живущих по преданию и рассуждающих по авторитету» [1].

Снижение авторитета науки неминуемо влечет за собой ослабление иммунитета общества перед угрозами применения против него т.н. «информационного оружия», поскольку в такой ситуации сознание людей становится восприимчивым к провокационным вбросам и особо падким на дешевые сенсации, намеренно генерируемыми как извне явными противниками России, так и изнутри местными «доброжелателями», ищущими для себя сиюминутной славы и выгоду любой ценой.

Один из путей преодоления кризисных явлений в науке, состоит в соблюдении научным сообществом определенных моральных ориентиров. В 30-х гг. XX в. основоположником социологического изучения науки Р. Мертоном были предложены четыре таких ценностных императива, согласно которым, ученые должны придерживаться следующих норм поведения:

универсализм (внеличностный, объективный характер научного знания);

коллективизм (плоды научного познания принадлежат всему научному сообществу и обществу в целом);

бескорыстность (главной целью деятельности ученых должно быть служение Истине, а не личной выгоде);

организованный скептицизм (вменяет в профессиональную обязанность ученому критиковать взгляды своих коллег, если на то имеются малейшие основания. Истинный ученый – скептик по натуре и призванию) [3].

Особо следует обратить внимание на последний ценностный императив. К сожалению, многие по вполне естественным человеческим причинам склонны крайне болезненно реагировать на критику в свой адрес. Наиболее контрастно это проявляется внутри научного сообщества силовых структур, где соблюдение уставной дисциплины предполагает жесткую субординацию в отношениях. Возникает конфликтная ситуация, когда норма организованно-

го скептицизма входит в противоречие с требованием неукоснительного соблюдения единоначалия. По этой же причине научные организации данных структур особо подвержены риску проникновения в их ряды людей, которые пытаются получить ученые степени и научные звания не за счет внесения личного вклада в науку, а посредством служебного положения или протекции.

Нужно всегда это иметь в виду, постоянно отслеживать обстановку и держать ее под контролем, иначе ситуация неминуемо скатится к той, что имела место в поздний период Советского Союза со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Литература

1. Белинский В.Г. Собрание сочинений в 9-ти т. Т. 3. – М.: Художественная литература, 1978. – 613 с. – С. 442.
2. Захаров В.Л., Круглов В.В., Зиневич Н.Н. Законы вооруженной борьбы и принципы ее ведения. – М.: ВА РВСН, 2008. – 120 с.
3. Основы философии науки: Учебное пособие для вузов / под ред. проф. С.А. Лебедева. – М.: Академический Проект, 2005. – 544 с.
4. Подгорных Ю., Долгов В. 18 угроз безопасности // Военно-промышленный курьер. – 2014. – № 18 (546). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.vpk-news.ru/articles/21307> (дата обращения: 15.02.2020).
5. Степин В.С. История и философия науки: Учебник для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук. – М.: Академический Проект; Трикста, 2011. – 423 с.
6. Сулашкин С.С. Когнитивное оружие – новое поколение информационного оружия // Вестник Академии военных наук. – 2014. – № 1 (46). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.avnrf.ru/index.php/zhurnal-qvoennyj-vestnikq/arkhiv-nomerov/639-vestnik-avn-1-2014> (дата обращения: 16.02.2020).
7. Чекинов С.Г., Богданов С.А. Военная футурология: зарождение, развитие, роль и место в системе военной науки // Военная мысль. – 2014. – № 8. – С. 19-29.
8. Юзвизин И.И. Информациология или закономерности информационных процессов и технологий в микро- и макромирах Вселенной. 4-е изд., испр. – М.: Междунар. изд-во «Информациология», 1996. – 212 с. – С. 23-24.

**ВЛИЯНИЕ ТОЛЕРАНТНОСТИ НА ПСИХОЛОГИЧЕСКУЮ ГОТОВНОСТЬ
К ОКАЗАНИЮ ПОМОЩИ ПОСТРАДАВШИМ
В ЭКСТРЕМАЛЬНОЙ СИТУАЦИИ**

Харитоновна Т. Г.

кандидат психологических наук, доцент,
начальник научно-исследовательского
отдела (психологической подготовки)
Приволжского филиала
ФКУ ЦЭПП МЧС России
Тел.: 8(831) 429-07-86
E-mail: KharitonovaTG@mail.ru

Ставская К. С.

психолог 2 категории научно-
исследовательского отдела
(психологической подготовки)
Приволжского филиала
ФКУ ЦЭПП МЧС России
Тел: 8(831) 429-07-86
E-mail: vkasandra@yandex.ru

Аннотация. В статье поднимается проблема психологической готовности широких масс населения к оказанию помощи пострадавшим в экстремальной ситуации, которая в настоящий период времени рассматривается в качестве важного фактора общей безопасности. Обосновывается необходимость изучения личностных характеристик, влияющих на уровень ее проявления. Приводятся результаты исследования, раскрывающие взаимосвязь разных видов толерантности с компонентами психологической готовности. Формулируется вывод о влиянии толерантности на психологическую готовность к оказанию помощи. Актуализируется проблема разработки практических рекомендаций.

Ключевые слова: толерантность; психологическая готовность; оказание помощи; компоненты психологической готовности; уровень психологической готовности; экстремальная ситуация; установка; программа психологической подготовки.

**IMPACT OF TOLERANCE ON PSYCHOLOGICAL READINESS TO ASSIST
VICTIMS OF EXTREME SITUATIONS**

Tamara Kharitonova

Ph.D (Psychology Sc.),
Associate professor,
Head of the Scientific Research Department (Psy-
chological Training)
Privolzhsky Branch of the Center of Emergency
Psychological Aid of EMERCOM of Russia, Fed-
eral State-Owned Institution,
Nizhny Novgorod
Phone: 8(831) 429-07-86
KharitonovaTG@mail.ru

Cristina Stavskaya

psychologist 2 category at the Scientific Research
Department (Psychological Training)
Privolzhsky Branch of the Center of Emergency Psy-
chological Aid of EMERCOM of Russia,
Federal State-Owned Institution,
Nizhny Novgorod
Phone: 8(831) 429-07-86
vkasandra@yandex.ru

Abstract. The article raises the problem of the psychological readiness of the general population to assist the victims of an extreme situation, which is currently considered to be an important factor in general security. The need to study personal characteristics affecting the level of its manifestation is justified. The results of the study are presented, which reveal the relationship of different types of tolerance with components of psychological readiness. A conclusion is formulated on

the impact of tolerance on psychological readiness to provide assistance. The problem of developing practical recommendations is being updated.

Keywords: tolerance; psychological readiness; psychological assistance; components of psychological readiness; level of psychological readiness; extreme situation; installation, program of psychological preparation.

Проблемой изучения феноменологии толерантности занимаются многие ученые [1; 2; 4; 6; 7; 8]. Однако само понятие «толерантность» столь многопланово, неоднозначно, а порой и противоречиво, что до сих пор нет единого взгляда на определение сущности его содержания. И это не случайно, так как оно формировалось на протяжении многих веков, претерпевало разное к себе отношение и в настоящий период времени этот процесс продолжается.

Несмотря на то, что в словарях [3; 5; 9; 10] толерантность трактуется через такие ключевые слова, как «терпимость», «терпение» и «терпеливость», современные авторы отмечают, что по смысловой насыщенности данное понятие значительно шире, сложнее и многоаспектнее. Они описывают его как трудное (нравственное) достижение, требующее особых условий для формирования и развития.

Изучая феноменологию толерантности, авторы выделяют разные подходы к определению ее сущности, рассматривают сферы, виды, типы, формы и границы ее проявления, обозначают структуру, критерии и признаки личностной толерантности, выстраивают дихотомию «толерантность-интолерантность», рассуждают о необходимости ее развития у разных групп населения, так как любая эскалация нетерпимости в условиях современного мира может стать потенциально опасной и пр.

Особую значимость проблема толерантности приобретает в контексте психологической готовности населения к оказанию помощи пострадавшим в экстремальной ситуации, которая в настоящий период времени рассматривается в контексте общей безопасности. В экстремальной ситуации может оказаться любой человек, а вот как он себя в ней проявит и окажет ли помощь нуждающемуся человеку не зависимо, например, от его внешнего вида, принадлежности к этнической группе и пр. – это вопрос дискуссионный. Таким образом, изучение влияния толерантности на психологическую готовность к оказанию помощи пострадавшим в экстремальной ситуации является не только актуальной, но и значимой проблемой. Она помогает расширить общее представление о том, какие именно факторы и личностные характеристики оказывают влияние на психологическую готовность разных групп населения к оказанию помощи пострадавшим в экстремальной ситуации, и открывает возможности для оптимизации содержания программ, направленных на ее развитие.

Целью нашего исследования стало изучение влияния толерантности на психологическую готовность личности к оказанию помощи пострадавшим в экстремальной ситуации.

Объектом исследования выступает психологическая готовность личности к оказанию помощи пострадавшим в экстремальной ситуации, предметом – влияние толерантности на психологическую готовность к оказанию помощи пострадавшим в экстремальной ситуации.

Толерантность рассматривается нами как социальная установка личности, которая способствует осознанию, принятию и пониманию многомерности социальной среды, способам проявления индивидуальности и форм самовыражения личности, складывается из отно-

шения к себе, окружающим людям и миру и проявляется в готовности к совершению определенного социального поведения, способствующего конструктивному межличностному взаимодействию [11].

Под психологической готовностью к оказанию помощи пострадавшим в экстремальной ситуации (далее – ПГОПП) понимается интегральная динамическая характеристика личности, предполагающая понимание специфики деятельности в экстремальной ситуации, осознание ценности своевременного оказания оперативной помощи пострадавшим, наличие желания, определенных знаний, умений и навыков, а также эмоционально-волевых и коммуникативных качеств, позволяющих эффективно справляться с психологическими реакциями, возникающими в связи с переживаемым кризисом [12].

Мы предположили, что:

1) уровень толерантности взаимосвязан с уровнем психологической готовности к оказанию помощи пострадавшим в экстремальной ситуации;

2) люди, обладающие выраженными чертами толерантной личности, будут демонстрировать оптимальный уровень проявления психологической готовности к оказанию помощи пострадавшим в экстремальной ситуации;

3) наличие выраженных интолерантных установок по отношению к окружающему миру и людям сопряжено с низким уровнем проявления психологической готовности к оказанию помощи пострадавшим в экстремальной ситуации.

Основу программы эмпирического исследования составили:

1. Экспресс-опросник «Индекс толерантности» (авторы: Солдатова Г.У., Кравцова О.А., Хухлаев О.Е., Шайгерова Л.А.).

2. Методика «Диагностика общей коммуникативной толерантности» (автор: В.В. Бойко).

3. Методика «Психологическая готовность к оказанию помощи пострадавшим в экстремальной ситуации (ПГОПП-1)» (авторы: Харитоновна Т.Г., Ставская К.С.).

В исследовании приняли участие 81 человек (22 мужчины и 59 женщин) в возрасте от 17 до 67 лет, имеющие разный уровень образования и относящиеся к разным профессиональным группам.

Каждый этап эмпирической части исследования (констатирующий и обобщающий) был направлен на реализацию конкретного целеполагания и состоял из реализации частных методов.

Целью констатирующего этапа было решение вопроса выборки эмпирического исследования; реализация сбора эмпирических данных, направленного на изучение у респондентов уровня проявления толерантности и уровня проявления психологической готовности к оказанию помощи пострадавшим в экстремальной ситуации.

Этап проводился в индивидуальном режиме с помощью психодиагностического метода. Каждому респонденту предлагались бланки методик, и давалась инструкция к их заполнению.

Целью обобщающего этапа стала обработка, анализ и описание результатов полученных эмпирических данных, выявление взаимосвязи и влияния толерантности на психологическую готовность к оказанию помощи пострадавшим в экстремальной ситуации, формулирование выводов.

Данный этап включал составление сводных таблиц полученных данных, их количественный и качественный анализ, использование методов математической статистики (ранговой корреляции Спирмена, t-критерий Стьюдента).

В результате эмпирического исследования, проведенного на разновозрастной выборке, было выявлено, что оптимальный уровень ПГОПП имеют только 18 % (15 чел.) респондентов, высокий – 36 % (29 чел.), средний – 20 % (16 чел.), низкий – 26 % (21 чел.). Полученные данные подтвердили необходимость реализации программ по развитию психологической готовности населения к оказанию помощи пострадавшим в экстремальной ситуации.

Наличие среднего уровня толерантности у 86 % респондентов свидетельствует о том, что для них характерно сочетание как толерантных, так и интолерантных черт личности. То есть в зависимости от ситуации они могут проявлять себя по-разному. Несмотря на это, коммуникативная толерантность у большинства из них (72 %) представлена высокими значениями. Тем самым можно предположить, что в общении с другими людьми они готовы ориентироваться на их индивидуальные особенности, не стремятся к их перевоспитанию, умеют прощать ошибки и проявлять терпение к их дискомфортным состояниям (например, болезни, усталости, отсутствия настроения).

Взаимосвязь психологической готовности к оказанию помощи пострадавшим в экстремальной ситуации и толерантности представлена в Таблице 1:

Таблица 1 – Взаимосвязь психологической готовности к оказанию помощи пострадавшим в экстремальной ситуации и толерантностью ($n=81$)

Шкалы	Этническая толерантность	Социальная толерантность	Толерантность как черта личности	Индекс толерантности	Коммуникативная толерантность
Эмоционально-волевой	,317**	,082	,237*	,326**	-,319**
Познавательный-оценочный	,271*	,088	,378**	,287**	-,397**
Коммуникативный	,160	,159	,092	,415**	-,453**
Мотивационно-поведенческий	,257*	,060	,287**	,229*	-,305**
Общий уровень ПГОПП	,323**	,089	,331**	,386**	-,481**

Примечание: * $p \leq 0,05$; ** $p \leq 0,01$

На основании полученных эмпирических данных, мы можем заключить, что между компонентами ПГОПП и различными видами толерантности существуют достоверные корреляционные взаимосвязи ($p \leq 0,05$). Так, например:

эмоционально-волевой компонент ПГОПП имеет положительные корреляционные взаимосвязи между этнической толерантностью ($r=0,317$; $p \leq 0,01$), толерантностью, как чертой личности ($r=0,237$; $p \leq 0,05$) и общим индексом толерантности ($r=0,326$; $p \leq 0,01$), а также отрицательную корреляционную взаимосвязь с коммуникативной толерантностью ($r=-0,319$; $p \leq 0,01$);

познавательно-оценочный компонент ПГОПП имеет положительные корреляционные взаимосвязи между этнической толерантностью ($r=0,271$; $p \leq 0,01$), толерантностью, как чертой личности ($r=0,378$; $p \leq 0,01$) и общим индексом толерантности ($r=0,287$; $p \leq 0,01$), а также отрицательную корреляционную взаимосвязь с коммуникативной толерантностью ($r=-0,397$; $p \leq 0,01$);

коммуникативный компонент ПГОПП имеет положительную корреляционную взаимосвязь между общим индексом толерантности ($r=0,415$; $p \leq 0,01$) и отрицательную корреляционную взаимосвязь с коммуникативной толерантностью ($r=-0,453$; $p \leq 0,01$);

мотивационно-поведенческий компонент ПГОПП имеет положительные корреляционные взаимосвязи между этнической толерантностью ($r=0,257$; $p \leq 0,05$), толерантностью, как чертой личности ($r=0,287$; $p \leq 0,01$) и общим индексом толерантности ($r=0,229$; $p \leq 0,05$), а также отрицательную корреляционную взаимосвязь с коммуникативной толерантностью ($r=-0,305$; $p \leq 0,01$);

общий уровень ПГОПП имеет положительные корреляционные взаимосвязи между этнической толерантностью ($r=0,323$; $p \leq 0,01$), толерантностью, как чертой личности ($r=0,331$; $p \leq 0,01$) и общим индексом толерантности ($r=0,386$; $p \leq 0,01$), а также отрицательную корреляционную взаимосвязь с коммуникативной толерантностью ($r=-0,481$; $p \leq 0,01$).

С помощью методов математической статистики нами доказано, что люди, обладающие выраженными чертами толерантной личности, демонстрируют оптимальный уровень проявления психологической готовности к оказанию помощи пострадавшим в экстремальной ситуации, а наличие выраженных интолерантных установок по отношению к окружающему миру и людям сопряжено с низким уровнем проявления психологической готовности к оказанию помощи.

Использование методов рандомизации и математической статистики позволили получить данные свидетельствующие о том, что коммуникативная толерантность оказывает влияние на познавательно-оценочный компонент ПГОПП ($p=0,039$), коммуникативный компонент ПГОПП ($p=0,013$) и на общий уровень ПГОПП ($p=0,014$). Полученные данные представлены в Таблице 2:

Таблица 2 – Влияние толерантности на уровень психологической готовности к оказанию помощи пострадавшим в экстремальной ситуации

Шкалы	Группа	Индекс толерантности				Коммуникативная толерантность			
		Ср. значение (M)	Стд. откл. (σ)	t-критерий Стьюдента	Стат. знач. различий (p)	Ср. значение (M)	Стд. откл. (σ)	t-критерий Стьюдента	Стат. знач. различий (p)
Эмоционально-волевой	1	34,0	4,6	-1,071	,293	35,8	4,7	1,606	,114
	2	36,0	5,6			33,6	5,7		
Познавательнo-оценочный	1	26,6	7,8	-,352	,727	28,5	6,9	2,111	,039
	2	27,6	7,7			24,9	6,3		
Коммуникативный	1	31,1	4,2	-2,503	,018	34,8	3,6	2,554	,013
	2	34,8	4,0			32,2	4,2		
Мотивационно-поведенческий	1	25,9	5,7	-,191	,850	26,1	5,1	1,177	,244
	2	26,3	5,8			24,5	5,4		
Общий уровень ПГОПП	1	116,6	19,4	-1,092	,284	125,5	15,7	2,539	,014
	2	124,0	17,7			114,8	16,9		

Примечание: группа 1 – респонденты с низким уровнем толерантности (n=15); группа 2 – респонденты с высоким уровнем толерантности (n=15). Группа 1 – респонденты с высоким уровнем коммуникативной толерантности (n=30); группа 2 – респонденты с низким уровнем коммуникативной толерантности (n=30).

Результаты исследования позволяют заключить, что чем больший уровень коммуникативной толерантности имеет человек, тем в большей степени он склонен интересоваться вопросами оказания помощи другим людям, обогащать свои знания в этой области и обращать внимание на ситуации, в которых может понадобиться его помощь. Толерантные люди демонстрируют более высокий уровень коммуникативных способностей. Они более доброжелательны в общении, умеют сопереживать, стараются сделать все необходимое, чтобы помочь другим людям избежать состояния напряженности, нацелены на сотрудничество. Им легче устанавливать контакты с представителями различных социальных групп, а взаимодействие с людьми они выстраивают более эффективно.

Все это указывает на то, что толерантные люди в большей степени склонны проявлять психологическую готовность к оказанию помощи другим людям, в том числе пострадавшим в экстремальной ситуации.

Таким образом, наши гипотезы о том, что:

уровень толерантности взаимосвязан с уровнем психологической готовности к оказанию помощи пострадавшим в экстремальной ситуации;

люди, обладающие выраженными чертами толерантной личности, будут демонстрировать оптимальный уровень проявления психологической готовности к оказанию помощи пострадавшим в экстремальной ситуации;

наличие выраженных интолерантных установок по отношению к окружающему миру и людям сопряжено с низким уровнем проявления психологической готовности к

оказанию помощи пострадавшим в экстремальной ситуации – в ходе исследования подтвердились.

Полученные данные актуализировали проблему разработки рекомендаций прикладного характера, которые необходимо использовать в практике организации обучающих занятий по программам оказания первой помощи и психологической поддержки, а также развития психологической готовности к оказанию помощи пострадавшим в экстремальной ситуации.

В данных рекомендациях находят отражение основные традиционные виды деятельности практического психолога (психологическое просвещение, развивающая и консультативная работы), которые нацелены на решение следующих задач:

- 1) раскрыть роль и значение толерантности в проявлении психологической готовности к оказанию помощи пострадавшим в экстремальной ситуации;
- 2) выявить факторы определяющие толерантность / интолерантность личности в зависимости от различных ситуаций;
- 3) способствовать осознанию участниками занятий (через различные виды заданий, упражнений и игровых ситуаций) важности и значимости проявления толерантности;
- 4) организовать процесс консультирования с целью снятия эмоционального напряжения от имеющегося негативного опыта оказания/неоказания помощи пострадавшим в экстремальной ситуации.

Литература

1. Асмолов А.Г., Солдатова Г.У., Шайгерова Л.А. О смыслах понятия «толерантность» // Век толерантности: Научно-публицистический вестник. – 2001. – № 1-2. – С. 8-19.
2. Бойко В.В. Коммуникативная толерантность: методическое пособие. – СПб.: С.-Петербург. мед. акад. последиплом. образования, 1998. – 23 с.
3. Большой энциклопедический словарь / под ред. А.М. Прохорова. – М.; СПб: Большая Российская энциклопедия; Норинт, 2000. – 1434 с.
4. Валитова Р.Р. К истории понятия толерантности. М.: МГУ, 1994. – 194 с.
5. Краткий психологический словарь / сост. Л.А. Карпенко, под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. – 2-е изд., расшир., исправ. и доп. – Ростов-н/Д: Феникс, 1998. – 512 с.
6. Петрицкий В.А. Толерантность – универсальный этический принцип // Известия СПлесотехнической академии. – СПб., 1993. – С. 139-151.
7. Солдатова Г.У., Кравцова О.А., Хулаев О.Е. и др. Психодиагностика толерантности // Психологи о мигрантах и миграции в России: инф.-аналит. бюллетень. –2002. – № 4. – С. 59-65.
8. Сухих Е.С. Толерантность: психологическое содержание и личностные факторы // Человек. Сообщество. Управление: научно-информационный журнал. – 2005. – № 4. – С. 66-77.
9. Словарь практического психолога / сост. С.Ю. Головин. – Минск, М.: Харвест; АСТ, 2003. – 301 с.
10. Степанов С.С. Популярная психологическая энциклопедия: – М.: Эксмо, 2005. – 672 с.

11. Харитонов Т.Г. Активизация студентов в проявлении толерантности // Концепт. – 2014. – Т. 20. – С. 2146–2150. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://e-koncept.ru/2014/54693.htm>. (дата обращения 01.02.2020).

12. Харитонов Т.Г., Ставская К.С. Методические аспекты разработки и использования опросника «Психологическая готовность к оказанию помощи пострадавшим в экстремальной ситуации» // Концепт. – 2019. – 8 (август). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ekoncept.ru/2019/192034.htm>. (дата обращения 01.02.2020).

УДК 32.323; 32.327

СОВРЕМЕННЫЕ УГРОЗЫ И ВЫЗОВЫ ДЛЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Черных И. И.

кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры
(философии, истории и культурологии)
ФГБВОУ ВО
«Академия гражданской защиты
МЧС России»
Тел.: 8 (498) 699-05-13
E-mail: ivan19551@yandex.ru

Аракелян М. А.

кандидат исторических наук,
доцент кафедры
(философии, истории и культурологии)
ФГБВОУ ВО
«Академия гражданской защиты
МЧС России»
Тел.: 8 (498) 699-05-13
E-mail: koschka_1881@mail.ru

Аннотация. В статье кратко, с опорой на события второй половины XX века и на основе изучения документальных источников и опубликованных материалов, рассмотрены современные угрозы и вызовы нашей стране и реагирование, в начале XXI столетия, руководства России с позиции международного права, интересов суверенного и многонационального государства, принципов равноправия и уважения, защиты исторической правды и противостояния внешнему давлению.

Ключевые слова: Российская Федерация; угрозы; вызовы; День Победы; «холодная война»; агрессоры; национальная безопасность; национализм; нацисты; НАТО.

Ivan CHERNYKH

PhD (Historical Sc.), Associate professor,
Assistant Professor of the department
(philosophy, history and culturology)
Civil Defence Academy EMERCOM of Russia
Phone: 8(498) 699-05-13
E-mail: ivan19551@yandex.ru

Marina ARAKELYAN

Ph.D (Historical Sc.),
Assistant Professor of the department
(philosophy, history and culturology)
Civil Defence Academy EMERCOM of Russia
Phone: 8(498) 699-05-13
E-mail: koschka_1881@mail.ru

Abstract. The article briefly, based on the events of the second half of the XX century and based on the study of documentary sources and published materials, examines the current threats and challenges to our country and the response of the Russian leadership at the beginning of the XXI century from the position of international law, the interests of a sovereign and multinational state, the principles of equality and respect, protection of historical truth and resistance to external pressure.

Keywords: Russian Federation; threats; challenges; Victory Day; «cold war»; aggressors; national security; nationalism; Nazis; NATO.

В настоящее время угрозы и вызовы для Российской Федерации не снижаются, а еще сильнее возрастают. Укрепление стабильности, положения дел в нашей стране, возрастание роли и места России на международной арене, никак не устраивает ни США, ни страны Европейского союза.

Проблемы укрепления национальной безопасности и обеспечения стабильного развития России в современных условиях становятся особо значимыми и актуальными. Это обусловлено тем, что западные страны и США все более агрессивно проводят политику сдерживания Российской Федерации, вводят необоснованные санкции, постоянно нагнетают напряженность в обществе и стремятся дестабилизировать согласие и мир в нашем многонациональном государстве.

В связи с вышеизложенным, с февраля 2020 г. Совет Безопасности России приступил к подготовке новой редакции Стратегии национальной безопасности (далее – Стратегия). Положения этого важного государственного документа направлены «на укрепление национальной безопасности Российской Федерации и обеспечение устойчивого развития страны на долгосрочную перспективу» [1] и обновляются по истечении пяти лет.

Необходимо отметить, что в действующей редакции Стратегии, подписанной президентом России В.В. Путиным 31 декабря 2015 г., стратегическими задачами являлись:

укрепление обороноспособности, государственной и общественной безопасности Российского государства;

развитие на основе современных технологий отечественной экономики;

повышение уровня жизни наших граждан;

укрепление политической и социальной стабильности в стране;

защита населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера;

укрепление конкурентоспособности российской экономики;

восстановление и демографическое развитие страны [2] и др.

При подготовке новой редакции было высказано предложение о необходимости дополнить и усилить многие положения Стратегии с учетом новых реалий жизни, как международных, так и внутренних.

Исходя из анализа документальных источников послевоенного времени, а также материалов СМИ, следует особо подчеркнуть, что в настоящее время США и их союзники вместо политики мира, добрососедства и цивилизованного сотрудничества с нашей страной, постоянно и целенаправленно создают новые угрозы национальной безопасности России, систематически оказывая на нас политическое, экономическое, военное и информационно-психологическое давление. А ведь в годы Второй мировой и Великой Отечественной войн США, Великобритания и Франция являлись нашими союзниками по антигитлеровской коалиции.

Не прошло и шести месяцев после окончания Второй мировой войны, как представитель британских консерваторов У. Черчилль в своем выступлении 5 марта 1946 г. в г. Фултоне (США) настоятельно призвал к созданию англо-американского союза для борьбы с «мировым коммунизмом, возглавляемым Советской Россией» [3, с. 235]. Из вышеизложенного следует, что фактически содержание речи У. Черчилля от имени Великобритании и США положило начало «холодной войне» против СССР и союзных ему стран.

Проявлением «холодной войны» со стороны США стали подготовка и нанесение мощных воздушных ядерных ударов по СССР, образование военно-политических блоков, создание военных баз в различных регионах мира и др.

Так, 4 декабря 1945 г. Объединенный комитет начальников штабов вооруженных сил США подготовил и представил президенту Г. Трумэну секретный документ по нанесению ограниченных воздушных ядерных ударов по 20 крупнейшим городам СССР [4], где было сосредоточено основное военное и экономическое производство.

В апреле 1949 г. под непосредственным руководством США создается Организация Североатлантического договора (далее – НАТО), которая была направлена против СССР и восточноевропейских стран. А в мае 1949 г. специальная комиссия Объединенного комитета начальников штабов представила президенту США доклад о подготовке плана атомной войны «Троян» против СССР. По данному плану планировалась бомбардировка 70 советских индустриальных центров [5].

Анализ исторических фактов позволяет сделать вывод, что США после окончания Второй мировой войны, несмотря на союзнические отношения, практически и целенаправленно взяли курс на глобальное лидерство, а главным противником провозглашался Советский Союз.

В середине XX в. военно-политическое руководство США и НАТО разработали новую концепцию «холодной войны» как «особого типа войн, соответствующих геополитической обстановке, сложившейся после Второй мировой войны, и новым средствам борьбы, наравне с тотальной ядерной, ограниченной и локальными войнами» [6, с. 306]. Новая концепция «холодной войны» постоянно находится в практической реализации, в том числе и в начале XXI века.

В современных условиях, из 860 американских баз в более чем в 50 странах мира, вокруг России насчитывается в общей сложности около 400 военных баз и объектов США и других стран НАТО [7].

Следуя принятой концепции «холодной войны», США, совместно со странами блока НАТО, нарушали и сегодня продолжают бесцеремонно нарушать положения международного права, принимают новые ядерные доктрины, постоянно приближают проводимые крупные учения и военную инфраструктуру альянса к границам многих государств, в том числе к российским и т. д.

Обратимся к реальным фактам: 24 марта исполнится 21 год, когда по надуманным причинам, с 24 марта по 10 июня 1999 г. США, совместно с силами НАТО, провели 35 тыс. боевых вылетов в составе тысячи самолетов и вертолетов, сбросив на Сербию 79 тыс. тонн взрывчатых веществ, в том числе с применением натовцами запрещенного обедненного урана. Здесь очень важно отметить, что, в ходе бомбежек агрессоров, среди гражданского населения погибло от 1700 до 2500 человек, а военнослужащих – до 1200 [8]. Военные международные преступления, совершенные организаторами и исполнителями при бомбардировке Сербии, так и по сей день избежали международного правосудия.

2 февраля 2018 г. Пентагон обнаружил новую ядерную доктрину США, в которой дается им право нанесения соответствующего удара не только в связи с применением против них или их союзников атомного оружия, но и в непредвиденных случаях, для чего Пентагон планирует производство ядерных зарядов малой мощности.

Председатель Комитета Госдумы по обороне В. Шаманов оценил принятый документ как «продолжение неприкрытой агрессивной политики США, нацеленной на сохранение единоличного лидерства» [9].

Раскрывая возрастание угроз и вызовов в отношении современной России, особо следует отметить такие события, как происходящая в последние годы на Украине катастрофа – военно-фашистский, бандеровский переворот и развязанная война против провозгласивших независимость Донецкой и Луганской народных республик, спланированные и подготовленные США и странами НАТО.

И далее, необходимо отметить, что фактически одновременно, немного раньше событий на Украине, как вспоминает в своих мемуарах «От холодной войны к горячему миру» бывший посол США в Москве (с 2012 по 2014 гг.) Майкл Макфол, американцы хотели осуществить смену власти в Российской Федерации. По его словам, представители США систематически по соответствующим программам проводили обучение активистов либеральной оппозиции России и одновременно делали миллионные пожертвования неправительственным организациям, после чего, они (либеральная оппозиция России и неправительственные организации) «не могли оставаться политически нейтральными» [10].

Все это – части единого сценария агрессивных действий против Российской Федерации со стороны Соединенных Штатов и их союзников (стран Европейского союза) на постсоветском пространстве по периметру и непосредственно у наших границ.

При этом США и ведущими европейскими странами, активно используется и внедряется фашистская методология обработки массового исторического сознания населения Украины, в первую очередь подрастающего поколения и взрослой молодежи, нагнетание ненависти и одновременно формирование у них (украинского населения) образа врага в лице Российской Федерации.

Так, в апреле 2015 г. Верховной радой был принят закон о признании Организации украинских националистов (далее – ОУН) и Украинской повстанческой армии (далее – УПА) борцами за независимость страны, предоставлении членам ОУН-УПА права на социальные гарантии, а с другой стороны – правовой ответственности для тех, кто поставит под сомнение их (членами ОУН-УПА) «подвиги» [11]. В сложившихся условиях на Украине уже официально запрещены советские символы и термин «Великая Отечественная война». С 2015 г. на Украине вместо Дня Победы 8 мая празднуется День памяти и примирения. А министр культуры Украины Е. Нищук, выступая в конце ноября 2016 г. на телеканале ICNV в передаче «Свобода слова», назвал население юга и востока Украины генетически неполноценными людьми [12]. Глава МВД и ярый сторонник неонацистских банд А. Аваков пошел дальше: в середине февраля 2020 г., вместо предусмотренной соответствующими соглашениями амнистии, предложил принять «закон о коллаборантах», практически делающий всех жителей Донбасса преступниками Украины [13].

В первой половине марта 2020 г., президентом Украины В. Зеленским был подписан закон «О полном общем среднем образовании», в соответствии с которым русские и русскоязычные граждане Украины смогут учить своих детей на родном языке только в начальной школе, а уже с пятого класса, почти 80 % учебного времени будет преподаваться только на украинском. По данному закону ликвидируются как все учебные программы на русском языке, так и русскоязычные школы [14].

Это еще раз свидетельствует о том, что национализм, как идея превосходства одного этноса над другим стал государственной идеологией Украины.

Важно напомнить, что 21 ноября 2016 г. в России был показан документальный фильм голливудского продюсера О. Стоуна и украинского режиссера И. Лопатенка «Украина в огне» об истоках государственного переворота в Киеве, исторических корнях украинского нацизма, о месте и роли правительственных структур США в организации трагических событий на Украине. Летом 2016 г. фильм «Украина в огне» был показан в Европе: на кинофестивале в итальянской Таормине, за что получил первую премию и номинирован на «Оскар» [15]. Вместе с тем, несмотря на это, лента запрещена в США и на Украине, само упоминание о ней и его авторах считается противозаконным.

С 19 сентября 2019 г., после принятия предвзятой резолюции Европарламентом о «важности сохранения исторической памяти для будущего Европы», для нашей страны возникла новая угроза: искажение, умаление и принижение решающей роли СССР в разгроме объединенного фашизма во главе с нацистской Германией. «Европарламент отметил возмутительной попыткой поставить знак равенства между нацистской Германией – страной-агрессором – и СССР, народы которого ценой огромных жертв освободили Европу от фашизма», – прокомментировала решение депутатов представитель МИД России М. Захарова [16].

Здесь целесообразно пояснить, что в данном проекте резолюции, предложенном Литвой, поддержанном Польшей и принятом большинством депутатов Европейского парламента, нет ни слова о «Мюнхенском сговоре» 1938 г., который юридически оформил расчленение Чехословакии и предшествовал позднее принятому советско-германскому договору о ненападении. Также в принятом законодательным органом единой Европы документе не печатались материалы о других мирных договоренностях, которые были подписаны с нацистской Германией раньше.

В целом, следует отметить, что, начиная со второй половины 1999 г. и особенно с 2000 г., для военно-политического руководства России важнейшей стала задача реагирования на угрозы и вызовы США и стран Европейского союза. В начале XXI столетия укрепилась государственность Российской Федерации, Россия вернула себе международный авторитет и независимость своего политического курса, что позволяет противостоять вмешательству и активно защищать историческую правду.

Литература

1. О стратегии национальной безопасности Российской Федерации (Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683). Раздел I, ст. 1. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=191669&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.11087705984231122#0636697163532908> (дата обращения: 29.03.2020).

2. О стратегии национальной безопасности Российской Федерации (Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683). Раздел III, ст. 30, ст. 42 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=191669&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.11087705984231122#0636697163532908> (дата обращения: 29.03.2020).

3. Государственное и военное управление России и СССР в войнах XVIII–XX веков. Историко-теоретический труд: В 2-х частях. Ч. 2. – М.: ВАГШ, 2003. – 440 с.
4. Овчинников В. Тайны Пентагона. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rg.ru/2010/07/29/dropshot.html> (дата обращения: 30.03.2020).
5. Как США планировали победить СССР в ядерной войне. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://news.rambler.ru/usa/38676876-kak-ssha-planirovali-pobedit-sssr-v-yadernou-voune/?updated> (дата обращения: 30.03.2020).
6. Ольштынский Л.И. Курс истории для бакалавров. Общие закономерности и особенности развития России в мировом историческом процессе. Уроки истории: учебное пособие. – М.: Логос, 2012. – 408 с.
7. Петров И. Тревожно. Американцы «воюют» от Балтийского до Черного моря близ российских границ // Российская газета. – 2015. – 21 апреля.
8. Макарычев М. Бомбили по заказу США // Российская газета. – 2018. – 26 марта.
9. Когалов Ю. Заряд большой конфронтации. США приняли новую ядерную доктрину. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rg.ru/2018/02/04/ssha-priniali-novuiu-yadernuiu-doktrinu.html> (дата обращения: 30.03.2020).
10. Шестаков Е. Трампу оставят НАТО // Российская газета. – 2019. – 24 января.
11. Рокоссовская А. Кому мешает память // Российская газета. – 2015. – 21 апреля.
12. Дульман П. Генетика подвела. Министр культуры Украины вывел национализм на новый уровень // Российская газета. – 2016. – 24 ноября.
13. Дульман П. По лекалам Порошенко. Вместо амнистии Киев предлагает Донбассу репрессии. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rg.ru/2020/02/18/vmesto-amnistii-kiev-predlozhit-donbassu-repressii.html> (дата обращения: 31.03.2020).
14. Лихоманов П. Зелю – геть? Партия войны побеждает президента Украины // Российская газета. – 2020. – 16 марта.
15. Лихоманов П. Непарадная история. Россияне увидят фильм Оливера Стоуна о «майдане» // Российская газета. – 2016. – 21 ноября.
16. Шестаков Е. История по понятиям. Европарламент выполнил политический заказ Польши // Российская газета. – 2019. – 23 сентября.

Подписано в печать 27.05.2020 г.
Формат бумаги 21х30. Бумага офсетная.
Печ.л. 5,0. Тираж 30 экз.
Заказ №

ФГБВОУ ВО «АГЗ МЧС России»
141435, г.о.Химки, Московская обл.
мкр. Новогорск